

БРОЩЕННЫЙ

ПРОБУЖДЕНИЕ

МИР

Владимир Андерсон

18+

Владимир Андерсон
Брошенный мир:
Пробуждение (книга первая)
Серия «Брошенный мир», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094062

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90757-7

Аннотация

Мы не видели своих создателей и не знаем, откуда они. Мы вообще толком ничего не знаем. Двадцать четыре года назад проснулся первый из нас, а затем и остальные семь тысяч. Мы уже второе поколение, что живет на этой земле и не знает подробностей. Тот мир, что был доверен нам, имеет очень мало цветов, и главный его – серый. Мы видим серый на этой планете везде за пределами нашей станции. Мы можем свободно дышать, только находясь на самой станции, и даже способность нормально ходить есть у нас тоже только на нашей станции. А за ее пределами мы погибнем без скафандров, а наша способность передвигаться превращается в легкие прыжки по поверхности. Тот, кто оставил нам все это, даже не позаботился о том, чтобы рассказать, что мы все делали там, и в чем наша задача. ***Станция на темной стороне Луны, где люди проснулись после криосна не понимая ни где они находятся, ни что им делать.

Содержание

Пролог	4
Натали	6
Хеддок	49
Старейшина	71
Хеддок	89
Натали	115
Старейшина	131
Хеддок	143

Владимир Андерсон

Брошенный мир: Пробуждение (книга первая)

Пролог

Мы не видели своих создателей и не знаем, откуда они. Мы вообще толком ничего не знаем. Двадцать четыре года назад проснулся первый из нас, а затем и остальные семь тысяч. Мы уже второе поколение, что живет на этой земле и не знает подробностей.

Тот мир, что был доверен нам, имеет очень мало цветов, и главный его – серый. Мы видим серый на этой планете везде за пределами нашей станции. Мы можем свободно дышать, только находясь на самой станции, и даже способность нормально ходить есть у нас тоже только на нашей станции. А за ее пределами мы погибнем без скафандров, а наша способность передвигаться превращается в легкие прыжки по поверхности.

Тот, кто оставил нам все это, даже не позаботился о том, чтобы рассказать, что мы все делали там, и в чем наша зада-

ча. Не говоря уж про то, чтобы объяснить нам, почему с нами так жестоко обошлись – оставили одних без права жить полноценной жизнью.

Сейчас нами правит организованный нами самими Верховный Совет старейшин. Когда-то вначале всё решал общий сход, но очень быстро поняли, что это неэффективно, и вызывает больше обсуждений, чем практической пользы.

Натали

В главной столовой, в которой сейчас обедала Натали, было весьма просторно, в отличие от большинства других помещений нашего большого общего дома – Апполло-24. Так, мы его называем, ведь это слово написано буквально везде – на гермодверях, в заголовках информационных досок, посуде, одежде и внешней обшивке. Мы все совершенно точно знаем, что наша станция называется именно так. И это название надоело нам настолько, что уже на первой одежде, которую мы стали делать сами, а не доставать со складов, мы писали что угодно другое или ничего, лишь бы не писать это вездесущее Апполло-24, значение которого никому не было известно неизвестно.

На тарелке у Натали лежала синтетическая каша и две сосиски. Несмотря на достаточно скромный внешний вид, эта еда казалась ей весьма вкусной, причем от начала и до пресыщения – явный признак того, что аппетит вызывает не только голод, но и сама еда. Всегда хочется сходить и попросить на раздаче добавки, но все мы знаем, что она нам не положена – каждому из нас утверждённым Советом Старейшин решением назначена выверенная порция.

Об этом, конечно, шли отдельные разговоры. Ведь никто из нас не видел, что было бы, если бы мы ели не столько, сколько нам разрешают. У нас был случай, когда три года на-

зад один из нас Уайатт Мэверик потерял родного человека – после нескольких дней странной горячки один из проснувшихся двадцать четыре года назад скоропостижно умер. Горе было таково, что Уайатт перестал есть, и несмотря на угрозы администрации, друзей и даже нескольких членов Совета, продолжал это в течение почти недели, пока не свалился в обморок. Он и до этого выглядел не очень здорово, но перестав получать пищу, стал бледнеть, терять силы и спать дольше обычного. Таким образом, мы узнали, что может быть с нами, если мы перестанем есть – будем бледными, без сил и падать в обморок. Некоторые предполагали обратное в том случае, если мы будем есть больше дозволенного – становиться красными, могучими и с бессонницей. Картина не многим лучше. А раз так, то лучше и послушаться в очередной раз старейшин – раз они первые проснулись, так им и видней.

За стол к Натали подсел Тейлор из отдела добычи, парень на 3 года младше Натали – сейчас ей было тридцать два, и она, как и он, была из того поколения, что проснулась ребенком. Он уже давно клеился к ней, и как-то она даже слышала, что он восторгался её грудью, называя её «упругими шарами», которые бы он с радостью потискал. Про свою фигуру она была наслышана не мало, и сама прекрасно знала, сколько желаний вызывает у мужчин, проходя мимо – формы её груди и бёдер комбинезон облегал очень плотно, и даже несмотря на то, что местами ей было тесновато, она и

не думала что-то менять в размере одежды. Ей очень нравилось, что она вызывает такое вожеление окружающих, хотя именно Тейлор её совсем не привлекал. Уж слишком он напирал вечно, а такое, как всегда, только отталкивает. При том, что как собеседник он был очень даже ничего.

– Нат, знаешь, что я нашёл вчера вечером? После отбоя... Всю ночь не спал потом. – Тейлор так иногда начинал с ней говорить, думая, что способен сильно заинтересовать, что иногда даже получалось.

Натали ничего не ответила – она знала, что стоит только подать вид, что тебе интересно, и он будет тянуть с рассказом, будто от этого ему попадут какие-то баллы в её личном завоевании. Будто от её заинтересованности какой-то его истории, она его станет хотеть больше, чем нисколько. И ведь не объяснишь такое. Мы же все учили же, что множить «0» на любое число бесполезно, всё равно будет «0». Или, может, он не понимает, что у него «0» – считает, что после запятой есть ещё какие-то цифры?

– Или тебе неинтересно? – видимо, Тейлор начинал со временем понимать, что тактика не работает, и её надо менять. Или хотя бы попробовать.

– Расскажи, если есть что. Я вся – внимание. – девушка всё же не показала, что ей правда интересно, продолжая понимать, что это единственное, что её защищает. Ведь узнавать что-то новое всегда хотелось, потому что самих знаний почти нет. Она давно считала, что старейшины знают куда

больше, просто не рассказывают остальным по каким-то своим, наверно, надуманным причинам. Или, может, ждут чего-то. А раз так, то надо уметь не показывать вид, что ты ждёшь этого какого-то момента, который, может, никогда и не наступит. Ждёшь правду, которой может и не быть, но точно не будет, если все будут видеть, что она тебе так нужна.

– Старкрафт. – наконец возвестил он при этом очень тихо и заговорчески, так, чтобы никто не мог услышать кроме неё. – Я вчера нашёл Старкрафт...

– Что это? Зубы чистить? Спину чесать? Что с ним делают? – время от времени все находили разные предметы, а потом дружно разгадывали их назначение, оставляя потом его в пользовании того, кто нашёл. Иногда случалось находить вещь заодно вместе с инструкцией, и тогда старейшины копировали её, награждая нашедшего отдельно за находку.

– Нет... – ещё тише сказал Тейлор. – Это игра... На компе...

А вот это уже было преступление. В школе ещё с самого начала образования вдалбливали, что такое преступление, и как за него могут карать. Было два вида преступлений: по неосторожности «мисдиминор» и преднамеренные «фелония». Первые касались ошибок, сделанных в работе, или случайно вылетевшей запрещённой фразе, которую могли услышать. Например, нельзя было публично подвергать сомнению заданные уроки нашей истории. Раз нам преподавали, что наша планета третья от Солнца по счёту, самая

маленькая в Солнечной системе, значит так и было. Раз нам говорили, что когда-то мы загадили её до такой степени, что теперь нельзя свободно находиться на поверхности без защитного костюма, значит и это так было. Раз нас учили, что все остальные планеты необитаемы, то и нет смысла в этом сомневаться, уж по крайней мере публично. Никто ж не запрещал думать, как ты хочешь. Старейшины прямо говорили – у Вас есть свобода мысли, это очень важный дар, его никто не сможет у вас отобрать. Но не ломайте чужие мысли – держите свои при себе. Вот за ломание чужих мыслей можно было получить предупреждение от старейшин, как за неумышленное преступление.

Вторая категория преступлений – преднамеренные, касались тех вещей, которые были сделаны с целью нарушить устои нашего общества, например, сокрытие найденных материалов. Будто то информация на компьютере или отдельный её носитель – при обнаружении полагалось сразу сдать находку для её изучения самими старейшинами, ведь там могло оказаться что-то сакральное, что полагалось знать только им. В противном случае, можно было попасть в заключение в так называемую тюрьму тоски или просто «Тоска», отдельное от основной станции сооружение, куда могли поместить на время, равносильное совершённом преступлению, которое также определяли старейшины.

– Ты это придумываешь, чтобы затащить меня к себе в комнату? – Натали правда не поверила, что Тейлор решит-

ся так строго нарушать закон, даже если это даст ему возможность её действительно чем-то заинтересовать. Уж можно считать его одержимым идеей её трахнуть, но не до такой степени, чтобы подвергать себя риску быть заточённым на годы в Тоску, где у него появится ещё одно желание, уже теперь просто вернуться к нормальной жизни.

– Да нет же... Я расскажу... В общем, там есть разные планеты. И там не только такие как мы. Не только люди. Там есть ещё протосы и зерги. Протосы похожи на нас, только с голубой кровью и продолговатые сами. С виду у них технологии какие-то, круче, чем у нас. А зерги – как тараканы, только большие. И они могут дышать без скафандра...

– И что они все делают?

– Воюют... За ресурсы воюют. Там есть кристаллы и зелёный газ. Странно, конечно. У нас такое не добывают.

– Может, ты не стал бы тогда так рисковать, а просто отдал эту игру на изучение, кому положено?

– Да? И опять нам вернут обглодыш пустой, где всё с одной историей, как они рассказывают? Или и вовсе с фантастикой, какой не может быть?

– Судя по твоим рассказам, там и так фантастика, какой не может быть... Так что тебе, видимо, вернут её обратно такой же, и все в итоге на станции только получают новую игру.

Тейлор несколько обиделся. Казалось, что он вовсе не до конца рассказывает, что знает, и сам ещё не решил, стоит ли. С одной стороны, это показывало, что он не врёт насчёт этой

игры. А, с другой, да ничего интересного-то вроде и нет.

– Это не всё, что я нашёл на этой флешке...

– Флешке?! – так он не просто нашёл одну программу в скрытой папке на своём компе, а целый носитель с чем-то новым, и теперь сидит самостоятельно в этом копаются. Так можно из Тоски и вовсе не вернуться.

– Да тихо ты... Да, флешке... Там ещё фильмы есть... Я не смотрел пока. Но похоже интересно... Вот тебе хотел предложить вместе... Пойдёшь?

Похоже, что озабоченность снесла ему голову просто напроць, и он хочет, видимо, чтобы ещё и она составила в Тоске ему компанию. Впрочем, план-то интересный – там у него и конкурентов не будет, и она может забыть, как выглядят те, кто ей нравится. Похоже, что он неплохо продумал, как ему следует проводить ближайшие лет тридцать.

– Тейлор, у меня нет желания проводить остаток жизни, смотря на тебя в тюремной камере... А похоже, что этим всё и может закончиться. Отдай эту флешку старейшинам, а потом расскажешь, что тебе вернут. – Натали встала из-за стола и, взяв поднос с остатками пищи, двинулась к выходу.

Про похожие находки она слышала далеко не в первый раз. Люди находили и флешки, и карты памяти, и даже целые ноутбуки причем в совершенно разных местах. Конечно, большую часть нашли ещё в первый год, как все проснулись, но кусочки находили до сих пор. И, как обычно оказывалось,

это лакомые кусочки, которые лишь подогревали интригу к таким вещам, несмотря на угрозы тюрьмы. И что-то ведь в этом было такого... У нас существовала официальная история нашей планеты и всего окружающего вокруг, и не было весомых оснований предполагать, что это не так. Разве что самое начало нашей теперешней жизни.

Официально мы на третьей планете от Солнца, которая называется Земля. Она самая маленькая во всей Солнечной системе, а потому не имеет спутников, в отличие от большинства других планет. И несколько тысяч лет назад она была совершенно иного вида, нежели сейчас: с красивыми морями и океанами, вечнозелёными лесами и множеством жизни в нём. Тогда ещё можно было свободно ходить по поверхности и жить без скафандра. Но в течение длительного времени всё было загажено до такой степени, что произошедшие катаклизмы привели к тому, что мы имеем сейчас – серая безжизненная пустыня, в которой даже воздуха нет. В какой-то момент мы договорились о погружении в многовековой криосон, чтобы дождаться лучших времён. Но очнувшись после сна, мы осознали, что потеряли при этом память, и теперь восстанавливаем её по крупицам. А чтобы правда не была нам в тягость, то вся информация должна поступать сначала старейшинам, которые понимают важность дозирования информации. Такова была история, которую мы учили с рождения в школе. Но в неё далеко не все охотно верили. Ведь был целый ряд противоречий. Одни говорили, что

на станции можно спокойно ходить, потому что там работают специальные двигатели, формирующие более сильное притяжение. В то время как за пределами её – можно легко прыгать без особого труда на десятков метров.

Другие нашли противоречие в том, что в картах учебников есть множество гор и другого вида высотных ландшафтов, которых даже близко нет на нашей планете. Ладно, что всё вымерло, испарилось, и стало невозможно дышать, но почему так изменился рельеф. Разумеется, гулять везде и уж тем более ездить куда-то далеко на оверкарах разрешалось немногим, которые ещё и хранили молчание перед всеми остальными, но из любого окна было видно полное отсутствие каких-либо гористых систем во всех от Апполло-24 сторонах.

Третьи пошли ещё дальше и стали изучать те фильмы, что нам достались на разного рода носителях, и что разрешили смотреть. И вот в них самый большой вопрос, что всем пришёл на ум, так почему те технологии, что мы видим в фильмах не сильно отличаются от наших, а окружающая действительность совершенно другая. Они могут дышать на свежем воздухе, у них есть моря и леса, и те же самые технологии при этом. Если выходило, что мы сами испортили свою планету, то это не могло произойти за один день. А значит те фильмы, что мы видели, далеки от катастрофы. Но этого не может быть, так как технологии уж точно не стоят на месте – уж сколько мы успели придумать за наши какие-то двадцать

четыре...

На все эти вопросы не было ответов – были лишь сомнения. В них пытались копаться некоторые, но вот уже как 14 лет, как запретили публично обсуждать эти темы. Новые найденные материалы всё же стали сдавать после того случая, как Оскара Миднайта, инженера энергетического блока, засадили в камеру Тоски за утайку найденного жёсткого диска. Никто не знает даже, что он там увидел, и увидел ли вообще, но, когда его забирали, он кричал, что всех обманывают, что, то место, на котором мы находимся, называется Луна, а не Земля, и на этом слове его тогда ударили в затылок. С того момента прошло 14 лет, и никто его больше не видел, а все стали делиться своими мыслями лишь только шёпотом.

Было очень странно на это смотреть. Неужели всего лишь переименование своей планеты в другое может представлять такую угрозу? От того, что он назвал Землю Луной, она же явно не изменится, даже если так оно и есть. Она так и останется третьей планетой от Солнца, пусть даже с другим названием. Всё будет также мрачно, как и сейчас, и также беспросветно. Лучшее, что мы сейчас можем сделать, так это приспособиться под те условия, которые у нас есть, и всё же жить своей жизнью. И пусть называют эту планету, как хотят, а ей, Натали, уже тридцать два года, и она до сих пор бывает с таким недотрахом, что хочется лезть на стену.

В этом ей самой себе было совершенно не трудно призна-

ваться, но те мужики, которые за ней вечно бегали, не нравились ей абсолютно. У неё бывали короткие романы, но даже если в постели, некоторые из них были ничего, то говорить с ними было просто не о чем. Да и они явно ценили в ней не ум, а грудь и задницу. В этом она даже не сомневалась, как и в том, что далеко на этом не уедешь.

А это всё же было важно. Она с самого рождения готовилась к тому, чтобы применять собственные мозги на общее благо, и теперь с гордостью могла сказать, что это ей удалось. Сейчас она была ведущим научным сотрудником в отделе науки, и в ее задачу входило изучать прежде всего окружающие материи, которые их окружают с целью выявления какой-либо пользы. И её недавнее открытие – извлечение геллия-3 из почвы, было поистине прорывом.

Жаль, что об этом знало так мало людей. Да даже если бы им и дал кто-то доступ к этой информации, вряд ли бы это что-то кардинально изменило. Немногие понимают, что термоядерная электростанция, которая есть у нас в наличии на станции не смогла бы работать вечно без новой подпитки. Поначалу получение электричества и вовсе считали чем-то сверхъестественным, полагая, что этим и управлять не надо. Но очень быстро поняли, что без вмешательства человека такая система всё время работать не будет. И что её, как и всё остальное, тоже надо чем-то кормить. Материал нашли достаточно быстро, но только полгода назад отдел, под руководством Натали Джексон, понял, как можно отделять одно

от другого, чтобы можно было это что-то другое использовать в качестве топлива.

Тогда Натали негласно наградили – её перевели в более просторное помещение в блоке Нью-Йорк. Там у неё уже было сразу две комнаты, причем каждая из них была больше, чем её предыдущее жилище целиком. А населявшие этот блок люди были куда более образованные, чем те, что жили с ней в блоке Техас.

Всего блоков было четыре: северный Иллинойс, восточный Нью-Йорк, западный Калифорния, южный Техас. Апполло-24 была в форме креста с объёмным центром, где в каждую сторону выходило ответвление с отдельным блоком. В Техасе, где она жила раньше, преобладали люди из секции добычи и продовольствия – более работающие и менее думающие. Среди них было как раз большинство её ухажёров, которыми она так была недовольна. В Нью-Йорке помимо научной секции жили также представители энергетической, отличавшиеся немалым умом и способностью находить сложные решения. Один из них Морган Блэквуд, с которым она недавно познакомилась, даже очень понравился ей.

Он сильно отличался от всех остальных, в особенности своим умом. Он буквально на лету понимал, в чём может быть причина какой-то процесса и начинал работать в этом направлении. При этом какого-то показного выпендрёжа от него не исходило – он аккуратно планомерно рассматривал все За и Против какого-то утверждения, а потом вслух про-

говаривал, как их можно воспринимать. И что особенно привлекало при этом, так это его терпение – с виду вообще не выходил из себя, а исходящие от него эмоции, каковых правда было немного, как правило были положительные.

Но сложность была в том, что он почему-то не сильно обращал на неё внимание. Выглядело так, будто она тоже ему понравилась, но ему и не сильно что-то надо. Морган мог поддерживать с ней разговор, шутить, что-то показывать, но не более того. Стоило рабочему времени закончиться, и он тут же удалялся в свою комнату.

И тем оригинальнее было на это смотреть, что последний проект ей надо было проводить именно с ним. Морган заведовал одним из отделов энергетической секции, отвечающей за контроль работы термоядерного реактора. Проверять, замерять, прогнозировать и быть уверенным во всём, что с ним происходит – в этом была его центральная задача. Натали поручили исследовать возможности расширения его мощности при максимальном КПД во время использования Гелия-3, который она только что узнала, как приспособить к использованию из окружающего грунта.

Морган показывал и рассказывал ей всё, что касается работы реактора. В тех местах, где данные были особой секретности, он так и говорил. И даже рекомендовал вдвоём подать прошение на раскрытие для неё этих данных, но она считала, что это ещё преждевременно. Хотя на самом деле ей просто хотелось побольше проводить с ним время. С ним было как-

то надёжно и спокойно, словно он заслонял своим крылом от окружающих проблем, и в те моменты, когда она находилась в одном с ним помещениях, она чувствовала себя как никогда в безопасности.

В этот день она хотела узнать побольше о нём самом. Может быть, это сподвигнет его к чему-то. В конце концов на Аполло-24 не так уж и много народу, и кого-то он в итоге всё же выберет.

– Ты вообще устаёшь здесь? Когда работаешь. – спросила она, после того как они уже полтора часа как корпели над схемой одного из топливных стержней, пытаясь придумать, как можно было бы сконфигурировать его под гелий-3.

– Да я, скорей, устаю, когда не работаю... – не глядя на неё, ответил Морган. – Я и в выходной здесь.

– И ты не устаёшь от этого? – она придвинулась к нему чуть ближе. Совсем чуть-чуть. В том кабинете, в котором они сидели, даже окон наружу не было, а, учитывая, что вся площадь была три на четыре метра, но более интимной обстановки трудно было себе представить.

– Бывает. – Морган повернулся к ней и взглянул прямо в глаза, и в этих глазах было что-то, что показывало его ответный интерес к ней. – Но проходит быстро, когда снова выйду на работу... Мне больше интересно, где мы испытания будем всего этого делать...

– Не поняла тебя. То есть «где»? А что есть варианты? – ей и правда стало непонятно, что он имеет в виду.

– Понимаешь, то, что работает сейчас – это ядерный реактор. И судя по процессам, которые в нём происходят, можно с уверенностью сказать, что случись ему взорваться, и от всего Аполло-24 камня на камне не останется. Может, не заденет что-то, что стоит чуть вдалеке, но саму станцию вывернет наизнанку в считанные секунды... То, что мы сейчас с тобой изучаем – это термоядерный реактор. Несмотря на то, что его размеры мы предполагаем наверно в размер этой комнаты, он получится мощнее раза в три... И вот и вопрос, разрешат нам собирать такое на самой станции?

Об этом она правда вовсе не думала. Для неё и разговоры о взрывоопасности их уже действующего реактора казались больше страшилками, которые рассказывают для того, чтобы люди не спали на рабочем месте и более ответственно относились к своему делу. В конце концов, если он, например, потухнет, то смерть их ожидает не менее вероятно, как если он взорвётся, просто более длительная.

– Да уж, можно и взорваться, если каждый день работать... – со вздохом сказала она, уже начиная думать, что ничего вообще и не выйдет. Он слишком погружен в свою деятельность, очевидно, от которой он балдеет день ото дня. Говорят, можно бороться с абюзерами, но с трудоголиками бесполезно. Это абсолютно легальный уход от личной жизни, уж тем более в тех условиях, в которых мы живём.

Морган улыбнулся, и ей показалось, что он сколько-то, но всё же посмотрел на изгиб её груди в комбинезоне:

– Ты так говоришь, как будто тебе и жить-то не хочется.

– Да разве ж это жизнью назовёшь, когда кругом все только и думают о том, как бы поработать получше... Знаешь, они ещё часто прикрываются желанием получить какой-то результат, но не в этом дело. Я видела, как они работают – сидят без дела, почём зря проводят время, а толку-то нет... Нужна искра – желание что-то найти. Вот, когда она есть, тогда и результат у тебя будет. И тогда ты будешь с интересом что-то делать, и в какие-то моменты также задерживаться, пока наконец не получишь искомое. И будешь доволен собой, и захочешь проводить время уже после этого в удовольствии... Потому что будешь знать, что только хорошо отдохнув, ты сможешь получить новую искру, которая также тебя приведёт к следующему успеху... Вот, что я имею в виду. – её глаза прямо блестели, когда она говорила это, при этом тон не был поучительным или надменным. Ей лишь хотелось сказать, что для всего есть своё время, и то время, которое полагается тебе самому, нельзя выбрасывать как что-то ненужное.

Морган утвердительно покачал головой, снова разглядывая чертежи. Всё же он был ещё и красив. Не только умён, спокоен, но ещё и красив. Причём это такая мужская красота, которая не видна прямо сразу, и этой красотой нельзя кичиться как картинкой. Это красота в большей степени харизматична, лучезарна, как если бы была разница сделано лицо из бронзы или из потёртой бумаги. Вот его было словно

из бронзы.

– Я так понимаю, что тебе не очень жилось в Техасе? – наконец сказал он.

– Не очень... Не поспоришь... Ты никогда не думал, почему наши блоки так называются? Как штаты?

– Нет... Как-то не задумывался... Но по сторонам света они вполне логично находятся.

– Это да. Но почему тогда сама станция называется Аполло, а не Америка или США, например? Нам же рассказывают, что мы живём на территории бывших США в Северной Америке. Так логично было бы тогда? Или уж если это какой-то город, то почему не назвать просто этим городом?

– Натали, такие разговоры... Ты знаешь меня всего пару месяцев, а уже так доверяешь...

– Ну хорошо. Если тебе нельзя доверять, то буду знать... Заодно буду знать, какой ты зануда... Теперь понимаешь, к чему ещё эти разговоры про то, что не назовёшь это жизнью? Кругом или озабоченные или зануды. Иногда и то, и другое одновременно...

Ей иногда казалось, что правда все мужчины строго делятся на эти два типа. Одни думают своим членом, другие исключительно головой. И те, которые бы были способны думать головой, а членом лишь удовлетворять её, ещё не попадались. Это был бы идеальный вариант, и похоже уже, что не судьба ей такого найти. Они и правда все или только про член, или только про мозги. Казалось же вроде, что он по-

смотрел на грудь, его что-то привлекло. А нет. Именно что только показалось.

– А когда ты делала открытие про гелий-3, ты о чём сама думала? – Морган снова повернулся к ней и стал пристально смотреть в глаза. В её красивые яркие зелёные глаза. И так притягательно, что она тут же перестала считать его занудой.

– Мне было просто интересно... Я изучала это, потому что мне было интересно. Не за тем, чтобы принести там какую-то пользу всем. Или чтоб получить получше жильё. Нет... А потому что мне было интересно... И я точно могу сказать, что именно поэтому у меня и получилось... Интерес – это и есть та искра, которая двигает нас к чему-то большему...

– А как насчёт нашего проекта термоядерного реактора?

– А вот это от тебя зависит. – Натали сказала эти слова очень медленно, сначала убрав взгляд, а в конце фразы вернув его обратно к глазам Моргана. Ей очень хотелось заинтересовать его уж хоть чем-то. Если уж не своей фигурой, красотой или умом, то хоть какой-то загадкой, пусть её даже и нет на самом деле.

И похоже, что сработало, потому что он улыбнулся. Со всем слегка улыбнулся и утвердительно покачал головой:

– Тогда у нас точно получится... Мы могли бы сходить попить кофе ко мне, как только закончим. Ты не против?

Небольшой камень слетел с её плеч, хотя при этом на спине буквально оставалось ещё много других камней:

– Ну если только ты настаиваешь...

– Настаиваю. Значит договорились... У нас ещё полчаса сегодня на эти чертежи. И чтоб была чиста совесть, нам следует доработать их как следует...

Его покои состояли не из двух, как у неё, а сразу из четырёх отдельных комнат – по нашим меркам не просто шикарно, а неведомая роскошь. Натали даже не знала, что так можно жить, и что вообще в принципе на станции есть такого размера чьи бы то ни было личные помещения.

– Как кофе? – спросил Морган. Перед тем, как налить ей кружку, он спросил про то, в каком виде она любит его пить, что класть побольше, и, что самое интересно, как вообще она понимает этот процесс. Это было странно и удивительно одновременно – она никогда не задумывалась над тем, что люди могут делать одни и те же вещи, внутри понимая совершенно разные вещи. И только после того, как он спросил именно про её способ видения, она осознала, что это что-то выходит у всех совершенно разное. Это она пила кофе, чтобы расслабиться, почуяв вкусный аромат и не более того. А кто-то пил его, чтобы взбодриться, сделать перерыв, задуматься над чем-то. И возможно многое другое, о чём она не могли даже подумать. И эти мысли про кофе навеяло ей раздумья, что все вещи люди могут делать именно таким же образом, начиная с самых простых и заканчивая эксклюзивными.

Например, заниматься тем, что приносит тебе доход как

полезному члену общества – это люди могли рассматривать и с позиции личного удовлетворения, и с позиции признания другими, и чтобы просто не сидеть без дела, умирая от скуки, и чтобы с кем-то общаться, в том числе не по бытовым вопросам. Оказывалось, что не все и не всё люди делают так, как кажется на первый взгляд, просто потому что мы уже давно привыкли это так воспринимать. И это открывает следующий уровень этого познания.

Ведь раз все воспринимают даже базовые вещи по-разному, то в этом и кроется разница в результатах и подходе к этому делу. В данном ключе такой вывод становится очевидным, хотя изначально он даже не приходил в голову. А всё от того, что мы как всегда привыкли воспринимать людей везде такими, какими уже решили их считать. Если мы видим, например, кого-то старательным на работе, то автоматически считаем, что он старательный человек, забывая при этом, что это лишь то отношение, которые мы видим исключительно относительно его работы. И в данном случае причина может крыться только в том, что в работе он находит утешение для себя самого. И более того, если это утешение он ищет как раз от личной жизни, то справедливо полагать, что в этом случае в личной жизни он будет полной противоположностью тому, как он ведёт себя на работе – он будет ленивым и апатичным.

Проблема же в том, что мы не видим человека одновременно со всех сторон его жизни. И даже если мы видим несколько разных его сторон, то всё равно в какой-то из них

мы считает его за основную. Уж он в первую очередь нам друг или коллега. Он может быть одновременно и тем и тем, но воспринимать мы всегда будем его только с одной стороны. И если это всё же друг, то и на работе он будет друг, а не коллега.

– Включает мозги как следует твой кофе. – ответила Натали, действительно, уже считая, что напиток вышел исключительным. То ли от способности Моргана выведывать особенности, то ли от того, что вопросы добавили масла в огонь и без того регулярных рассуждений Натали.

Сейчас она сидела на чёрном кожаном диване, аккуратно сжимая в обеих руках красную кружку. При всё очевидном богатстве Моргана интерьер был обставлен достаточно скромно, и было видно, что большинство вещей он сделал собственноручно, а не заказывал у кого-то. Это создавало не просто определённый уют, но и некое чувство самости, которой не было в других местах, ведь было видно, что это кто-то делал с душой, а не просто ради красоты.

Комната была гостевой, из неё вело четыре двери в другие помещения. Посередине большой чёрный кожаный диван, перед ним низкий стеклянный столик и большое кресло еще подальше прямо перед панорамным окном, достигавшим в длину двух и в высоту одного метра – самый главный показатель зажиточности на станции. Такие стёкла стали ставить уже после пробуждения, разработав сплавы, крепче самой обшивки. И получалось, что с виду более уязвимый

участок, на деле оказывался более прочным, потому его выставляли с наружной стороны, что одновременно позволяло получить шикарный вид на окрестности.

И эти окрестности с его положения, оказывались потрясающе шикарными, ведь с его стороны начинался ныне высохший, а ранее существовавший Атлантический океан, уходивший дном вниз, позволяя наблюдать более широкие пространства. И хотя кругом всё было покрыто всё те же серым реголитом, самая объёмность вида буквально захватывала дух.

– Ты вот хотела поговорить про то, насколько всё логично. – начал Морган присев не совсем близко, но на расстоянии вытянутой руки от неё. – Так вот, первое, что я тебе покажу, это вид из моего окна. Видишь эти просторы... Мы все знаем, что это Атлантический океан, который высох сколько-то лет назад... Так ведь нам говорят?

– Угу. – Натали аккуратно отхлебнула ещё кофе, снова вспомнив про мысли о разном отношении у людей к одному и тоже процессу. Поистине сегодняшнее открытие.

– Так вот это не Атлантический океан... Ты была откровенна сегодня со мной, и я просто отвечаю тем же... Это всё, конечно, крамольные разговоры, но это не Атлантический океан, причём я не просто так думаю, я это доказал.

– Как доказал?

– Я нашёл карты морского дна в достаточно подробном виде. Точность до 10, в некоторых случаях до 50 метров. По-

том заснял с разных ракурсов свой вид. Мне ж никто не мешает это делать. Потом оцифровал всё это в одну техническую единицу, и сравнил свою данность с тем, что хранилось как данные о морском дне Атлантики, пытаясь найти своё местонахождение... И ничего. Просто ничего... То, где мы сейчас находимся – это не побережье Атлантического океана.

– Может, просто всё сохранилось не в таком виде? Ты же сравнивал по каким-то параметрам?

– Именно. По параметрам. Я был уверен, что не найду 100% вероятности, это и так понятно. Но те результаты, которые я получил давали схожесть меньше, чем на один процент. 0,00002 процента. Совпадение места на 0,00002% означает, что система просто попала пальцем в небо по каким-то точкам.

– И какие у тебя версии на всё это? Карты неправильные? Или что?

– Я бы подумал, конечно, что они неправильные, устарели или ещё что-то, но такие масштабы... Это разве что миллионы лет прошло. Но если б так, то от нашей станции ничего б не осталось... Но это не всё. Я не только про вид из окна... Когда каждый раз так объёмно всё наблюдаешь, то начинаешь сравнивать многие вещи.

– Например, что ещё?

– Например, восход и закат...

Он посмотрел на горизонт, а она в этот момент подумала,

что похоже начинается хоть немного романтическая сцена. Да и вид тому способствовал – в конце концов то, какие просторы были видны из его квартиры, впечатляло основательно. Что-то похожее можно было наблюдать разве что в столовой, но там вид был на звёздное небо, а не на земные просторы. И потихоньку начинали закрадываться сомнения, что это не только из-за дороговизны производства подобных стёкол...

– Ты ведь, наверно, заметила, как много в фильмах, которые нам разрешено смотреть, главные герои встают с рассветом?

– Ну ещё бы. У девчонок это главная тема для романтических изысков... – улыбнулась Натали. Это действительно было частой темой обсуждения и личных фантазий – просыпаться под рассвет с любимым и ложиться с ним в кровать под закат. В фильмах это показывалось с невероятной лёгкостью, при том что в реалиях мира рассвет и закат случался один раз на 14 суток. На каждый световой день приходилось по 14 суток, и столько же на каждую ночь. Голливуд же изображал всё так, будто все самые важные события происходят обязательно в те сутки, когда происходит рассвет или закат, видимо, чтобы произвести более ошутимое впечатление на зрителей. Зачем было строить весь кинематограф таким образом, пока было совсем непонятно, но черты романтики проникали в девочек при просмотре этих фильмов с самых ранних лет.

– Так вот, и рассвет и закат в реальности выглядят совсем

не так, как там показано. И длятся совершенно не то время, что там. Там это происходит буквально за час, а то что я вижу – длится сутки... И я бы мог поверить в то, что древние режиссёры специально каждый раз по две недели ждали нужного дня, чтобы отснять всё к лучшей коммерческой выгоде. Но делать из суток час, это уж совсем бестолково.

– Хорошо. – кивнула Натали и ещё немного отхлебнула кофе, вспомним про интересное открытие о многогранности восприятия как такового. – А какой у тебя вывод?

– Вывода пока у меня нет. Но я точно могу сказать, что то, что нам рассказывают – наглое враньё. И все эти меры по сдаче найденных материалов сначала старейшинам – лишь способ не выпускать правду наружу.

– Для твоего начальствующего положения – совсем нескромные высказывания. – Натали начинало нравится, что он говорил. Конечно, это были разговоры в духе её приятелей вроде Тейлора, но всё же куда лучше, чем занудствовать о новых видах электрификации и испытаниях. Да и в конце концов, они говорят обо всё этом, сидя на диване у него в квартире, а не за чертежами в лаборатории.

– Да я знаю... И уж кому как ни мне следует помнить о таких вещах при том, что мой лучший друг конструировал Тоску. – Морган поднялся и направился к барной стойке. – Хочешь выпить?

– Ох, сколько сразу новостей-то! – Натали расхохоталась, в том числе и от радости, что дело принимает более интим-

ный поворот. Алкоголь на станции был в очень небольших количествах, и выдавали его очень дозированно по праздникам и перед ними. Ходили слухи, что некоторым из высшей администрации, выпивка доступна без ограничений, но дальше разговоров это не доходило. Особенно после того, как за одну такую публичную фразу инженера из секции добычи лишили талонов на алкоголь сроком на год.

Что касается конструирования Тоски, то про этот процесс только что и ходили одни слухи. Те, кто возвращался, железно держали язык за зубами, а если и отвечали что-то, то только то, что ничего не видели кроме алюминиевого бокса камеры с одним унитазом, раковиной и кроватью. Зато было известно, что сама тюрьма находится особняком от общего строения станции, и туда доставляют на оверкарах. Учтывая, как только что Морган отозвался о Тоске, ему было явно известно намного больше, чем всем остальным.

– Я так понимаю, это знак согласия. – заключил Морган, открывая дверцу в стойке бара и присаживаясь на корточках. – Виски, джин, коньяк?

– Честно говоря, мне это ни о чём не говорит... Я пробовала пару раз виски. Ощущения, конечно, интересные, но я тогда столько думала о гелии-3... Да и не только... – Натали вспомнила тогдашнее своё состояние. Это было три года назад, когда она стала всё больше думать о том, что так и не нашла себе никого. Это тем более было тяжело, что она как следует начала осознавать свою некоторую оторванность от

остального коллектива. Ведь она одна из немногих, кто пробудился на станции будучи ребёнком всего 8-летнего возраста, и ей приходилось для начала не жить, а расти среди незнакомых людей. Она часто задавала себе вопрос, может, среди остальных есть её родители, просто не помнят об этом. Не помнят, как и все остальные... Что, может, есть и сёстры и братья, которые не знаю друг о друге. Ведь они все спали и проснулись, не помня ничего, даже собственных имён, которые они потом стали выбирать из каталогов модных журналом, фильмов и всего, что могли найти. И когда её тогда спросили, какое имя она хочет себе, то она сказала «Натали». Ей так нравилась та песня, с таким названием, где кто-то пел на, как она теперь уже знала, испанском языке это имя, словно нежно обнимая её. Она так хотела тогда, чтоб её тоже обнимали и повторяли всё время это слово. Это казалось таким лёгким, воздушным и прелестным... Вот только, когда выросла, заметила, что относятся к ней вовсе не так романтично... И какое-то облегчение пришло тогда, когда она попробовала выпить. За день устала от работы, исследований реголита, взяла по завалявшемуся у неё талону полагающуюся ей бутылку виски, и выпила оттуда немного. Тогда ей захотелось спать почти сразу, она прилегла и слушала в уме ту самую песню «Натали», мечтая о том, как её обнимают приятные мужские руки.

– А что ты пробовала? – обернувшись, спросил Морган.

– Виски. Он и до сих пор у меня стоит в шкафу... Уже

иссохся, наверно.

– Хорошо, что мои сотрудники этого не слышат... – усмехнулся Морган, достал бутылку и налил из бутылки в два стакана, затем достал другую и налил ещё из неё по столько же в каждый стакан, затем побросал в них кубики льда и, взяв оба, вернулся на диван.

– Это коктейль прям как в фильмах? – обнюхивая жидкость, спросила девушка.

– Ну почти... Думаю, они всё же по-другому делали. То, что мы делаем здесь явно больше синтетическое, чем настоящее. Мы больше имитируем вкус, чем производим его. Так же, собственно, как и сам алкоголь. У древних он был потому достаточно вреден, а у нас безопасен при том, что даёт те же эффекты... Ну если не перебрать, конечно. Если перебрать, то, видимо, наши минусы ещё похлеще, чем были у настоящего виски.

Все знали эту историю. Один из начальников секции безопасности Рейган Кросс страдал, как это называли древние, алкоголизмом. Все, в общем, не против были этого, ведь свои обязанности он выполнял также, как и раньше. Ничего не пропускал, делал всё по правилам, и чем он занимался в свободное время, никого особо и не волновало. Возможно, поэтому его пристрастия и перешли черту. Ту самую черту, когда в один из дней он не появился с утра на посту. Послали за ним и, войдя в его комнату, увидели, что там всё перевернуто вверх дном, а сам он изрезал себя разбитым гор-

лышком бутылки. Те фотографии показали тогда всем, чтобы знали, до чего может доводить чрезмерное потребление алкоголя. И ведь не боялись даже критики того, что только высшей администрации алкоголь доступен в таких количествах – сделали вид, что он выкрал эти бутылки тайно. Словом, решения старейшин, как всегда, оказались правильными – алкоголь надо дозировать талонами, а нарушения ведут исключительно к гибели.

– С такими воспоминаниями, и пить-то не захочется. – Натали чуть отстранила от себя стакан, но при этом не поставила его на столик.

– Это да... Зато вряд ли тебе ещё удастся в ближайшее время попробовать то, что я только что намутил. Коктейль очень мягкий, лишь слегка дурманит. – сам Морган пригубил чуть-чуть и показал, как распробует вкус языком. Выглядело очень заразительно.

Натали отхлебнула немного, и поначалу ледяная жидкость спустя пару секунд начала греть внутри – он был прав. И правда очень мягкий вкус, и только расслабляет. А ей-то всегда казалось, что виски очень терпкий и вообще, скорее, мужской напиток.

– И часто ты такое мешаешь? – спросила девушка.

– Не особо... Когда вижу, что разговор сложно вяжется.

– Так тебе кажется, что у нас сложно вяжется разговор? Я-то думала, ты мне про Тоску расскажешь? Или нет? Я ошиблась?

– Можно... В конце концов, свидетелей тут нет. И кое-что я могу рассказать, что в любом случае не нарушает какую-то тайну... Там действительно все камеры такие, как их описывают: раковина, унитаз и кровать. И содержат там почти всё время. Но, во-первых, оттуда выводят на прогулку в отдельное помещение – там нет окон, но есть крытый стеклом потолок, через который можно наблюдать звёздное небо, примерно как у нас в столовой, только поменьше. Во-вторых, там не совсем тоска, потому что включают радио с утра при подъёме, днём после обеда и вечером перед сном. И, наконец, в-третьих, те, кто оттуда не выходят, на самом деле и там тоже не продолжают сидеть... Это, конечно, уже можно назвать тайной, но, если ты кому расскажешь, тебе всё равно не поверят. Хотя я-то думаю, что тебе и не захочется кому-то такое рассказывать.

– Их казнят? Решают, что не нужны и просто казнят? – Натали было это удивительно. Что такое можно сделать, чтоб тебя казнили. Всё понятно там, правила нарушил, что-то разболтал. Да, за это наказывают – лишение возможности контактировать со всеми остальными. Но чтобы казнить... Нас и так тут всего семь тысяч, не то, что миллиарды людей раньше. Как же можно при такой ситуации ещё кого-то казнить?

– Ты уверена, что точно хочешь знать ответ? Особенно учитывая, что если казнят, то как именно? – Морган отхлебнул немного из своего стакана и посмотрел вдаль, на раски-

нувшиеся горизонты, где можно было наблюдать впадины, подъёмы, скалы на фоне чудесного звёздного неба. Хоть и серое всё, конечно, но всё равно очень романтично.

– Я сейчас уверена только в том, что расстроюсь... – Натали подумала, что её настрой как ветром сдувает. Хорошее же ведь тоже было когда-то выражение. Сейчас сдуть-то может разве что вентилятором, а значит и случайно в общем-то не получится. И зачем только она начала спрашивать у него про Тоску. Оно и понятно, что тайны и всё такое лишь добавляют интима, но кто ж знал, что он в курсе этих подробностей. Да ещё и ей начал рассказывать. А ещё каких-то пару минут назад всё было куда лучше...

– В нашем положении уж особо не расстроишься. – он повернулся к ней обратно. – Мы ведь те немногие, кто пробудился ребёнком, а не взрослым. Все уж или были взрослыми, или стали взрослеть со своими родителями, родившись тут... А мы, стало быть, когда-то уже начинали расти, потом заснули, а потом проснулись и начали заново взрослеть...

– Как это? Я думала тебе... Лет сорок... – Натали удивлённо посмотрела на него: теперь его лицо казалось ещё более красивым, чем раньше, карие глаза более умными нежели раньше, и сам вид более хищным нежели прежде. Он бы, как будто охотником, который выглядывает свою жертву. Это и пугало и заманивало одновременно. В какой-то момент возникла мысль, что даже если бы он сейчас захотел её съесть, то надо беспрекословно добровольно этому отдать-

ся...

– Да нет, Натали. Мне тридцать три, и я всего на год тебя старше... У нас даже были совместные уроки, когда мы ещё учились... Если ты помнишь, я как-то подошёл к тебе и спросил, есть ли у тебя уроки по алгебре. У тебя с собой не оказалось, и ты ответила, чтоб я подошёл в другой раз. Но я так и не подошёл, потому что посчитал, что это ты так не хочешь со мной общаться.

Она в момент вспомнила этот миг. Он тогда ей очень нравился, но она даже не знала, как его зовут. Казался ей очень умным и спокойным. В чём-то даже слишком скромным, от чего, по её мнению, не мог познакомиться с ней поближе. И она уже была в таком восторге тогда от этого его вопроса про алгебру, которой у неё с собой не оказалось. В тот день она вообще кроме тетради по физике с собой больше ничего не брала из вредности к учителям, хотя алгебра в тот день у неё была. После того случая, она каждый день таскала с собой записи по алгебре, какие вообще у неё были. Но тот мальчик больше не появлялся, а через неделю с ней познакомился другой, и она решила, что так тому и быть. Спустя столько времени это смотрелось, конечно, совсем не так, как тогда. Она переживала, обдумывала, и в итоге всё равно встрети-лась с тем, с кем хотела тогда.

– Надо же... – ответила Натали и рассмеялась. – У меня и правда не было её в тот день. А потом я носила с собой все уроки по алгебре, надеясь, что ты снова подойдёшь... Так и

что теперь делать? Алгебры вот у меня с собой опять сейчас нет.

Морган ухмыльнулся. Видимо, ему тоже было занятно понимать тот факт, что в итоге их судьбы всё равно сошлись. Возможно, даже ещё более интересным образом, чем раньше.

– Думаю, вполне можно обойтись и без неё... – он подвинулся к ней поближе и остановился буквально нескольких сантиметрах от её губ. – Если ты не против, конечно...

Она была не против... Целовался он нежно и, аккуратно отставив её стакан на стол, стал обнимать. Обнимать и гладить, сначала за талию, потом бёдра и снова талию и, наконец, грудь. Ей казалось, что соски её сейчас прожгут комбинезон... А когда его рука обвила сзади её голову, а затем чуть сжала её волосы, то у неё сжалось и в паху. Очевидно, он хорошо знал, как доводить женщину до иступления...

Зазвонил телефон. Экстренной связи, какой был у каждого в квартире. Полагалось, что в выходное время он не должен звонить вообще, но бывали случаи, когда вопрос стоял безопасности всей станции, а значит, что чем больше человек решал, тем чаще у него могло подобное зазвонить. Оставалось надеяться, что там лишь вопрос, а не указание на то, что что-то случилось с ядерным реактором.

Морган тут же разомкнул свои объятия и подбежал к трубке, располагавшейся в входной двери:

– Морган. Слушаю.

По его лицу не было видно, что это что-то важное, экстренное, то, без чего нельзя жить дальше, или что ещё можно себе представить. Он просто стоял и слушал, что говорят с другой стороны. Со стеклянным взглядом, в котором не было ничего. Это начинало пугать.

– Сейчас буду. – подытожил он и повесил трубку на рычаг, а затем повернулся к Натали. – Придётся идти. У нас самоубийство в лаборатории.

Натали еще никогда раньше не видела мертвых людей, а уж ту картину, которая ее застала в лаборатории, она не могла даже представить. Это было соседнее с тем помещением, где несколько часов назад они вместе с Морганом изучали чертежи новой термоядерной установки. И не хотелось даже думать, что, может быть, эта смерть уже была там. Была так близко.

Рейган Шадоу лежал головой на столе весь в крови. Она была на столе, на его светлых волосах, на рабочем халате, на полу и везде вокруг него. Складывалось такое впечатление, что он буквально разбрасывал эту кровь вокруг себя, лишь бы испачкать побольше всего вокруг. И еще было странно, что ничего, в общем-то, не было сломано или разбросано. Учитывая, что здесь происходила очевидная чертовщина, та аккуратность, с которой все стояло вокруг поражала еще больше.

И первая мысль была, разумеется, что это никакое не са-

моубийство. С чего вообще они это взяли? Разве мог он сам так терзать себя, буквально плясать на месте, разбрызгивая кровью из своих вен и артерий? И еще и при этом стараясь не задеть ничего на стеллажах, полках, ряд журналов на столе – вообще ничего не трогать, а лишь брызгать на это своей кровью.

– Самоубийство значит? – сдержанно, но все равно удивленно при этом спросил Морган.

Таннер Найт, заместитель начальника секции безопасности, разумеется уже был здесь. Маленький, слегка полноватый, лысенький и с маленькой бородкой, он оказывался всегда в тех местах, где дела взаимоотношений между людьми подходили к грани или заходили за ее пределы. Ему нравилось быть тем, кто держит ситуацию под контролем и знает ее поднаготную. И если бы его сейчас здесь не было, то это вызвало бы вопросы, а не наоборот.

– Если б это было не самоубийство, господин начальник АЭС, то мы б Вас сюда не позвали. – ответил Таннер. – Для начала я хочу, чтобы вы посмотрели запись с камер наблюдения, а потом я уже задам свои вопросы.

Он подошел к размеченному этикетками СБ (в этой секции, как в никакой другой любили маркировать всю свою собственность, словно она от этого начинала работать лучше или только при их собственноручном использовании) ноут-буку и, нажав на несколько клавиш, запустил видео.

Поначалу все выглядело весьма прилично. Камера фик-

сировала, как Рейган что-то переключал в папке с бумагами, делал какие-то пометки, потом закрывал папку, доставал новую и проделывал с ней то же самое и так в течение пяти минут. Казалось, будто Таннер хочет специально показать нам достаточный промежуток времени, чтобы было понятно, что ничего особенного не происходило, потому что в какой-то момент Рейган схватил ручку, которой писал, в руку как нож и воткнул себе в левый глаз, а потом вытащил и попытался воткнуть себе эту же ручку в левую руку, но она разлетелась от этого.

– Что за черт?! – крикнула Натали, зажимая руками рот. Ей казалось, что она смотрит не на прошлое, а на настоящее, которое происходит прямо в эту минуту, и тем реалистичнее об этом думалось, что сам труп продолжал спокойно лежать на столе. В то время как адская пляска продолжалась на экране ноутбука.

Рейган встал из-за стола и огляделся по сторонам, по всей видимости, ища какой-то новый предмет. При этом поврежденный глаз поливал все вокруг струей крови. Рейган встал из-за стола и подошел к холодильнику, маленькому квадратному холодильнику, в котором хранились обычно разного рода экспериментальные материалы, при этом очень редко используемые в опытах. Все обычно выверялось на бумаге до последнего и лишь после утвердительных расчетов можно было провести эксперимент – все не на скорость результат, а лишь бы сэкономить.

Из этого холодильника Рейган вытащил тонкую полоску металла, вероятно, скальпель и уселся обратно на своё место, принявшись кромсать свою плоть с левой стороны: пальцы, ладонь, основание кисти. Причем так легко и плавно, словно водил рукой по воздуху. И буквально через полминуты, когда у него вытекло достаточно крови, он также аккуратно, как и раньше, разрезал себе вену с левой стороны шеи и положил голову на стол.

Таннер нажал на клавишу «Стоп» и повернулся к Моргану:

– Вы заметили что-то необычное, мистер Блэквуд?

– Необычное?! – возмутилась Натали. – Да я бы в жизни не поверила, что можно сделать такое с собой, если б своими глазами не увидела!

– Мисс Джексон, я знаю, насколько Вы недавно стали важной персоной, но тем не менее, сейчас я спрашивал не Вас.

– Натали, все уже позади. – Морган легко обнял Натали и, наполовину обернувшись к заместителю начальника безопасности, ответил. – Вы имеете в виду, логику в его действиях? Она определенно какая-то есть. Я даже не сомневаюсь. Она не понята, но она есть... Я не замечал за ним какой-то склонности к членовредительству, тем более суициду... Но характер его действий, что я видел сейчас, абсолютно соответствуют его нормальному поведению. Сами действия неадекватны, а манера их делать совершенно обычная. Как давно это было?

– Он это делал два часа назад. Тогда вы находились в соседнем помещении. Вы ничего не слышали при этом?

– Нет. Абсолютно. И здесь хорошая звукоизоляция.

– Как Вы думаете, зачем он это сделал?

– Если бы у меня были предположения, мистер Найт, я бы уже Вам сказал...

– Ясно. Об этом никому не слова. Пока мы считаем это суицидом, но нам необходимо провести расследование. В любом случае, выводы делать нам... Да, и, надеюсь, Вам не очень нужна была эта лаборатория, так как нам необходимо опечатать её на время.

– Делайте, что нужно. – ответил Морган. – Можете рассчитывать на полное моё содействие... Мы можем идти?

Таннер кивнул головой. Несмотря на кажущуюся внешнюю уверенность по нему было видно, что через какое-то время ему придётся отчитываться перед своим начальством о том, что же всё-таки здесь произошло, и простыми словами «суицид» и «сумасшествие» с такой видеозаписью он не обойдётся. Ему предстояло узнать хотя бы о мотивах этого поступка, не говоря про то, откуда взялась такая дьявольская способность изничтожать самого себя без каких-либо колебаний.

– Вот уж не думала, что сегодняшней вечер может быть таким... – сказала Натали, снова устраиваясь поудобнее на диване в гостевой комнате Моргана. – Ты видел, как он ЭТО

делал? Как будто это не плоть и не его вовсе... Как это вообще? Разве можно до такой степени ничего не чувствовать?

Натали была удивлена тем, что увидела, но теперь её ещё удивляло и столько высокий уровень спокойствия Моргана. Словно, сегодня он не увидел ничего необычного. Будто его каждый день вот так вызывают поздно вечером и показывают трупы, лежащие лицом в стол в крови, а потом ещё и выясняется, что это они сами с собой и сделали.

– Я уж ничему не удивляюсь на нашей станции... – ответил Морган и снова, как и полчаса назад, потянулся к дверце барной стойки, за которой скрывались бутылки. – Заодно вот и лекарство тут у меня есть...

– Не поняла тебя... Это что всё, не первый случай?

– Да нет, не первый...

Последнее слово начало звенеть в ушах у Натали, а потом перебралось в мозг. Не первый? Это что же у нас тут клуб самоубийц, которые изничтожают себя за просто так, а мы сидим и смотрим на это? Конструируем себе реакторы, добываем нужное нам из реголита в то время как наше общество больное на всю голову? Может, стоит для начала разобраться в своей голове, прежде чем, вообще допускать людей до чего-то важного. Так кто-то следующий, работающий с реактором, возьмёт да и нажмёт там так же просто пару лишних кнопок, и что мы получим?

– Не первый, Натали... – Морган продолжил фразу, видя, что Натали просто замолчала от удивления. – Было ещё двое

до него. И все из энергетической секции. Не в моём подчинении, но я знаю про все случаи... Они все так резали себя, причем все только с левой стороны... Тебе лучше про это знать, потому что никто не знает, что это... Может, это заразно, раз не один человек так сделал. И тем более, что это так локализовано именно здесь. В остальных частях станции ничего подобного нет.

– Ничего себе, какие призы, оказывается, полагаются за достижения... Я-то думала, за это открытие с гелием-3 будет что-то хорошее. И оно, в общем, так и выглядело... Но вот это... – она не стала договаривать, полагая, что с определённого момента уже лучше начинать держать язык за зубами. Похоже Морган доверял ей тайну, полагая, что это может её сберечь, и стоило начинать думать про себя, а не говорить всё в слух, даже при нём. И всё же, почему он настолько спокоен? Он не просто держит себя в руках, он именно что спокоен...

Морган, налив в себе стакана снова виски и что-то еще туда, пристроился как и раньше рядом с ней:

– Натали... Я же начал с того, что всё кругом очень странно. И наша станция в первую очередь. Вид из окна, который должен быть Атлантическим океаном, не является им. Старейшины, которые изо всех сил прячут всю информацию, и выдают только то, что сочтут нужным. А за нарушения отправляют куда подальше, и могут и не вернуть... И это ж всё только видимая часть. Что нам не видно, показывают вот эти

случаи – люди могут и сами себя убивать, словно это не люди вовсе... Мы тут просто ничего не знаем, что за чем стоит. И даже эта версия про то, что мы спали там сколько-то много лет, а потом проснулись, даже это выглядит не настоящим...

– А это почему тебе кажется ненастоящим? – она чувствовала, как начинает успокаиваться, уже только от того, что они говорят про что-то другое, а не про смертоубийство самих себя.

– Пыль. Всё дело в пыли.

– В пыли?

– Да. Именно в пыли. Ты как часто видишь, что у тебя осела пыль на мебели, на предметах? Как часто тебе надо её стирать?

– Раз в один световой день, наверно... В общем, получается в среднем два раза в месяц...

– Да, и у меня также... А теперь представь, сколько пыли должно быть, если мы спали там тысячи или миллионы лет? Много. Грубо говоря, её должно быть много... А ты помнишь в те дни, когда была ещё десятилетним ребёнком, как было кругом? Я тоже был маленький, но я хорошо помню. Очень хорошо, как всё кругом блестело. Как оно блестело, и я скользил на попе по разным откосам, катался, что было сил, чтоб развлечься. И никакой пыли... Так скажи мне, что ты думаешь? Кто-то убирал станцию, пока мы спали? Так это было?

– Не похоже... – Натали начинала понимать, к чему он

КЛОНИТ.

– Да, не похоже... Всё блестело, потому что мы спали не миллион и не тысячу лет, а меньше одного светового дня... Нам врут во всё. Просто во всё. Поэтому это всё перестало меня удивлять. Потому что когда и узнают, почему там на самом деле эти сумасшедшие сами себя резали, да ещё и с таким спокойствием, то тоже опять соврут... Никто нам не будет рассказывать никакую правду. Нам будут рассказывать, что им удобно. Что им удобно, чтоб держать нас в узде и не давать возможности о чём-то задумываться. Потому нам всё время будут говорить, что удобно. И надеяться, что из этого «удобно» хоть раз окажется правда, не приходится...

– Ты прав... Ты действительно прав, Морган... – Натали откинулась ещё на спинку дивана, продолжая смотреть ему прямо в глаза. Ей уже порядком надоели разговоры про враньё и правду, про сумасшедших и про то, как Совет Старейшин нас всех обманывает. В конце концов, так это или нет, а лучше ей самой от этого не станет. Моргану определённо интересней с ней беседовать про все эти хитросплетения, политику, обманы и убийства, чем про чувства к ней, которых, видимо, нет. Ей вроде казалось, что он поглядывал на её грудь и задницу, но всё свелось только к тому, что он подсел к ней поближе и даже не пытался как-то потрогать, погладить. У него явно интересы на других уровнях. Но всё же ей хотелось расслабиться.

Уж ладно, пусть он не так её хочет, как ей бы того хоте-

лось. Но точно насколько-то хочет. Иначе бы и не разговаривал сейчас. И если это нужнее ей, а не ему, то она уже и на это согласна. Пусть и так будет. Это нужнее ей. Зато, если, наконец, это произойдёт, и он будет хорош, то уж тогда она будет удовлетворена. А это всё куда важнее, чем «капризы» насчёт чувств. Они, как и затухнуть, так и появиться тоже могут... И если он не хочет, так пусть скажет сразу, и пойдёт тогда она домой сразу.

– Морган, ты ответишь мне на один вопрос, который меня беспокоит прямо сейчас? – спросил Натали.

– Какой?

– Ты собираешься наконец меня трахать сегодня?

Хеддок

Чарли Хэддок был одним из тех, кто проснулся первым на станции. В тот день он, в отличие от большинства, не стал рыскать по всем помещениям в поисках живых людей, ответов на свои вопросы или чего бы то ни было похожего. Он нашёл капитанский отсек, выделявшийся на карте двумя жирными буквами «HQ» и стал разглядывать содержимое того компьютера, что показался ему главным в этом помещении. Разумеется, он ничего не помнил после криосна, как и все остальные, но что-то подсказывало ему, что искать надо там, а не по всей станции.

И он оказался прав. И потом он часто задавал себе вопрос, он оказался прав и потому стал настоящим правителем станции, или он и должен был в итоге стать настоящим правителем станции в силу своего характера, потому и нашёл всё то, что оказалось первостепенным в этой новой жизни, которая, как он точно знал, происходила на Луне, а не на Земле.

Именно он придумал когда-то считать то место, где они находятся планетой Земля, чтобы это лаконично выписывалось во всё, что только смогут найти на любом носителе информации на станции. Только так можно было всех убедить в том, что это место является автохтонным, самобытным для человека. Потому что только так, по его мнению, можно было предотвратить возможный наступающий психоз от осо-

знания себя покинутым.

Ведь причину, по которой они все оказались на этой станции одни, да ещё после сна, стёршего все воспоминания, Чарли тоже не знал. То что он знал укладывалось всего в несколько пунктов: во-первых, они находились на тёмной стороне Луны, а потому никогда не могли наблюдать на звёздном небе Землю, во-вторых, находились в состоянии криосна они один час или около того. Этот пункт был для него и вовсе удивительным – получается, что все добровольно залезли в эти капсулы, чтобы погрузить в сон, который заберёт все их воспоминания. Со временем он только больше убеждался в этом, потому что из всего того материала, который находили со временем на станции, и по его задумке, для начала приносили на изучение под страхом отправить в тюрьму, из всего этого материала не находилось ничего, что проливалось бы свет на причины всего этого.

А потому ответ был именно таким, что все добровольно приняли такое решение. Уж непонятно, чем они руководились при этом, но только добровольно они могли удалить со всех своих носителей ту правду, которую запрещено было узнавать.

Чарли много об этом думал, и другого ответа у него не было. И получалось так, что и он сам был среди тех, кто добровольно когда-то отказался от правды и сел в эту капсулу на час, чтобы всё забыть... Но, с другой стороны, сейчас это полностью его устраивало, ведь сейчас он – настоящий пра-

витель целого мира. Именно таковым он считал себя.

Ведь кем он был до этого? Кем угодно, но точно не тем, кем сейчас. Он бы точно не позволил всем забыть о тех правилах, которые ему так нравилось формировать. И совершенствовать со временем. Он заставил всех думать, что правит целый совет, Совет старейшин, которые своей мудростью оберегают общество. И ведь каково было ему, когда он организовывал это... Собирал самых старших среди всех, раскрывал им «тайны» станции и убеждал в необходимости сберегать их.

Он рассказал им, что место, на котором они находятся есть временная станция на Луне, спутнике Земли, которая отдана ему в распоряжение на тот момент, пока их не заберут. Забрать их должны при соблюдении ряда условий, известных только ему. И только он знает, как подать сигнал, после которого земляне проверят необходимые условия, и в случае их принятия, заберут людей обратно на Землю.

Как ему приходилось вечно ходить вокруг да около, выдумывая практически на ходу те самые условия, постоянно аргументируя тем, что без него в любом случае спасения не будет. Ведь первое условие – это сохранение его жизни и здоровья при полном и безоговорочном ему подчинении. С этим правда было сложно спорить, ведь он был тем, кто раскрыл первую для них тайну – где они находятся. Ту тайну, что была сокрыта для всех остальных, и которую старейшины могли хранить внутри себя. Тем более, что для всех именно ста-

рейшины были видимой властью – в этом Чарли Хэддок не прогадал. Он посчитал, что сможет сохранить свою теньвую власть только в том случае, если видимая будет принадлежать группе лиц, которая станет твёрдо оставить свою правоту коллективно. Где каждый старейшина будет уповать на что-то особенное со своей стороны, придумывать свои сакральные эзотерические знания, которым он не может поделиться с другими.

Ничто так не скрывает настоящую правду, как наличие рядом нераскрытой лжи. Эт правило Чарли для себя установил железно. Надо всегда формировать сначала враньё, потом закрывать всем на него глаза, утверждая, что знать его всем нельзя по неким жизненно важным причинам. Все захотят узнать в итоге, что же за этим скрывается. Захотят это узнать у тех, кто сам и не знает, но не в состоянии признаться в этом. А это значит, что ложь будет жить вечно, подпитывая сама себя.

Отдельных мыслей стоило ему придумать Тоску. Тюрьму, в которую бы можно было прятать тех, кто не хочет действовать по его правилам. Официально туда попадали за фелонии, то есть тяжкие уголовные преступления, которым теперь считалось и невыдача найденного нового носителя информации. У него был один старейшина, Пейтон Кросс, который на совете вызвался объяснить всем рядовым членам станции, почему так важно изначально обрабатывать информацию именно старейшинам. Чарли выслушал сначала его

лично, и ему показались донельзя убедительными его аргументы. Сам бы он так придумать не смог. Затем Пейтон выступил перед другими старейшинами, опровергая их доводы своими, и оказался победителем. И затем, когда он озвучил это решение всей станции, то буквально наступил его звёздный час – он формулировал уже множество раз до этого высказанные им мысли с таким мастерством и убедительностью, что даже Чарли в какой-то момент заслушался, и пару раз кивнул головой. Пейтон оказался настоящей находкой для манипулирования массовым сознанием. Хотя, надо признать, что и остальные вовсе не собирались сильно от него отставать.

Даже удивляло, насколько хорошо старейшины вжились в свои роли всезнающих и управляющих чином, что даже перестали и думать о том, чтобы на самом деле в чём-то разбираться. Ведь они, не считая первых нескольких месяцев своего становления Советом, ни разу не напоминали Чарли Хэддоку о том, что он обещал со временем поведать им об условиях, при которых их могут забрать обратно на Землю.

Что касается самой тюрьмы, то как отдельное сооружение, она появилась вовсе не сразу. Поначалу это был дальний грузовой отсек, следующий за техническими помещениями, где проходил фильтрацию кислород, добытый путём ряда манипуляций прямо на Луне. И, разумеется, случилось так, что некто сбежал оттуда. Причём на поверхность. А там сломал несколько солнечных панелей, повредил ряд кабелей

после чего был пойман службой безопасности, которая спустя полчаса разбирательств выбросила беглеца снова на поверхность, но уже без скафандра.

Об этом спустя день сильно пожалели, когда обнаружили, что труп так и валяется возле входа. Все ожидали, что он испарится или что-то вроде того. Но в итоге пришлось его закапывать. И чтобы не повторять подобное, соорудили отдельно стоящий блок в пятнадцати километрах от Аполло-24, названный Тоска по причине того, что в представлении всех жителей станции в этой тюрьме можно было только тосковать по былым временам, которые могут никогда не вернуться. В этом даже было что-то странное, ведь все жители, произнося в слух это название, и без того понимали, что «былые времена» могут быть и те, что не возвраты для всех них. Те времена, которые, как им говорили, планеты, где есть моря, океаны, луга и горы, которых теперь им всем не видать.

Иногда по таким причинам Чарли даже казалось, что есть люди, которые знают его секрет, а не просто догадываются. Единственное, что ему при этом помогало, так это собственное самолюбие, которые говорило только об одном – только у него был тот мозг, который догадался в первый же день исследовать капитанский отсек, а не что-то другое. Был бы кто-то ещё вроде него, и он бы это заметил ещё тогда – просто по желающему находиться там вместе с ним. Но таковых тогда не нашлось.

Со временем ему пришла идея возглавить секцию Просвещения, чтобы самому лично принимать участие в разработке программ для обучения, быть в курсе того, что именно в них есть, а чего нет. И, кроме того, ставить задачи по новым разработкам. Ведь теперь эта реальность принадлежала ему, и теперь хотелось в ней не просто существовать, а жить полной жизнью, а значит обустраивать её и создавать что-то новое.

И вполне можно было даже полноценно осваивать эту землю. Строить на ней. Делать его государство больше. Делать его могущественнее. Ведь ничего не мешало ему быть тем, кем он уже являлся – хотелось быть больше.

И теперь он был горд и очень доволен тем, что наконец исследования реголита дали возможности использования гелия-3, в том числе для ядерного реактора. Осталось только спроектировать правильную версию термоядерного реактора, чтобы можно было расширить его возможности при компактном использовании, ведь современные системы не позволяли ни добраться до светлой стороны Луны, ни проводить долговременные работы на поверхности.

А посмотреть своими глазами на Землю ему хотелось ещё больше, чем просто так скрывать её от других. Несмотря на то, что подобное изобретение в реальности способно было пошатнуть его власть, он определённо хотел собственными глазами увидеть её. Увидеть Землю. Чтобы в очередной раз получить то ощущение, что он получил в первые дни, когда

очнулся ото сна, когда первым стал всем рассказывать, что мы на Земле, а не где-то ещё, когда смог скрыть от всех тайну того, что на самом деле это Луна. Он хотел снова почувствовать, каково это, когда нечто знаешь ты один. И как лишь ты один определяешь – знать это всем остальным или нет...

И в это самое время на Аполло-24 началось твориться что-то очень странное. Разные люди начали самостоятельно резать себя буквально на куски хладнокровно и бескомпромиссно. Все они умирали от потери крови, причинив себе за несколько минут такой урон, какой за всю историю станции ещё не причинил ни один человек другому. Это были зверские самоубийства, объяснения которым не было ни с какой из возможных сторон.

Можно было представить, что кто-то доводил их до этого, но невозможно было понять, почему они совершали это столь фанатично. Ведь есть множество способов лишить себя жизни, и если уж к тому есть веские причины, то возможно увидеть также предсмертную записку. Но ничего подобного. Судя по записям с камер наблюдения, люди словно сходили с ума в какой-то момент, начиная производить над собой столь жуткие действия.

И Чарли начинала пугать не потеря нескольких ценных сотрудников – все они были высоко квалифицированными специалистами энергетической секции. Его начинало пугать то, что это никак не контролируется. За полгода он потерял трёх человек, и нельзя было понять, то ли это закончится са-

мо собой, то ли перейдёт в другие количества. И кто знает, может, и до него самого дойдёт, раз уж это настолько необъяснимое явление.

Может быть, это вообще какое-то подобие вируса, который через что-то передаётся. На это указывало то, что все убитые относятся к одной секции и жили в одном блоке Нью-Йорк. Но с таких же успехом, если это дело рук какого-то маньяка, то ничего не мешает ему изменить своё местоположение.

Вопросов было больше, чем ответов. Причём и возможные ответы явно не устраивали ни Чарли Хэддока, ни тех, кто в данный момент проводил расследование – секция безопасности. Таннет всегда хорошо выполнял свои обязанности – ему не надо было давать какие-то дополнительные объяснения, почему того или иного человека надо было засадить за решётку, а потом освободить, если понадобится, или удерживать дальше. У него вообще не возникало никаких вопросов. В этом был его грандиозный плюс. Но, видимо, эта же сторона давала о себе знать, когда надо было что-то выяснить, как, например, в этом случае. У него даже не было догадок. Он копал информацию бездумно и даже без версий. Просто спрашивал всё подряд, что приходило в голову, руководствуясь главной целью – не сболтнуть лишнего, и не дать возможности никому узнать, что происходило на станции. Такой, конечно, секреты не раскроет, но и нового ничего не узнает. Его шеф Гарри Стерлинг был ещё тупее – он

только и сидел что в кресле, да размышлял о том, как важно сохранять видимое спокойствие и ни при каких обстоятельствах не доводить дело до паники. Большого в голове у него не обитало. Словно, если придерживаться этого принципа, то можно и тысячу лет прожить без проблем.

Много от них не получишь – думал Хэддок. То, что они дают сейчас – и так максимум от ожидаемого. Глупо надеяться на большее. А значит придётся выяснять всё самому. Выяснять, а не дожидаться, пока эта чума придёт за ним лично. Как ни странно, но эта возможность ему тоже казалась не невозможной.

И теперь на столе у него лежало три папки с их личными делами: Генри Тандер, Саванна Блейз, Рейган Шадоу. Два мужчины и одна женщина. Причём самым ужасающим было именно женское – на записях с камеры было видно, как она режет себе левую грудь, пытаясь вырезать молочную железу, а затем протыкает левое бедро в районе артерии. Тандер от Шадоу принципиально отличался тем, что Шадоу проколол себе ещё и глаз. И в итоге это сатанинская манера причинять себе ранения до смерти был одним из немногих фактов, что связывал их всех – они все изничтожали свою левую половину острым предметом в правой руке. Все это делали планомерно и, словно не чувствуя боли.

Первый, Генри Тандер, сделал это больше пяти месяцев назад, у себя в квартире хорошо поужинав и посмотрев кино. Причём кино было комедийным – «Близнецы» с Арнольдом

Шварценнегером и Денни де Вито в главных ролях. После этого он исполосовал себя кухонным ножом, завершив дело втыканием его себе в шею. Абсолютно ничего это не предвещало. На службе ценился он хорошо и даже планировался к повышению.

Вторая, Саванна Блейз, убила себя на рабочем месте. Она, как и Шадоу изучала чертежи разных моделей ядерных реакторов, выполняя задание по созданию резервных мощностей АЭС на случай поломки основных. До того, как начать себя кромсать перочинным ножом, лежавшим до этого в её личном сумочке, она не отходила от рабочего стола почти полтора часа, и заметить хоть что-то, что могло её сподвигнуть на это, не получилось просто по той причине, что этого и не было. Стоит отметить, что выковырять что-то из груди ей не удалось при всех её стараниях. Это наводило на мысль, что действие было больше спонтанным, чем преднамеренным – уж если она так не чувствовала ни боль, а рассудок был потерян на прочь, то решение сделать это должно было увенчаться успехом, раз уж она начала это делать. Эта особенность породила в голове Хеддока мысль, что все их действия по членовредительству своей левой стороны носило больше символический, нежели какой-то практический смысл – они не хотели сделать что-то принципиальное со своей левой стороной тела, кроме как истязать его. И, видимо, ответ ко всему крылся именно в этом.

Третий, Рейган Шадоу лишь повторял действия преды-

душих: делать что-то спокойно и непринуждённо, а затем также непринуждённо себя убивать острым предметом. Отличался только во всём проколотый глаз, который в очередной раз навёл на мысль о том, что всё это лишь прелюдия, некое подобие демонстрации прежде, чем свести счёты с собственной жизнью. Видимо, глаз для Рейгана был также непринципиален, как грудь для Саванны. Он, вероятно, мог бы его и не трогать, просто каким-то случайным образом жребий пал именно на него.

Хеддок отложил эти папки, раскинулся на спинке кресла и оглядел свой кабинет: при том, что кабинет был явно самым большим среди подобных на всей станции, а панорамной окно самым громоздким среди всех окон, где-либо установленных, какой-либо роскоши в его кабинете не было. Абсолютно ничего, что можно было бы назвать искусством или изыском. Все было строго и по делу. Это старейшины любили нагородить себе статуи из прессованного реголита или пурпурные мантии поверх комбинезона. А ему это всё было ни к чему – всё это лишь побрякушки, которыми разве что детей можно увлечь. Ну или дураков таких, как старейшины. Главное – власть, и сейчас возникает процесс на станции, который этой властью не контролируется вообще.

Хеддок поднялся и медленно подошёл к стеклу: перед его взором простирался вид на море Москвы, которое всем называлось не иначе как «Атлантический океан». О том, что это море Москвы, одно из самых больших углублений на по-

верхности тёмной стороны Луны, он узнал через несколько недель после того, как узнал, что это вообще Луна. Нельзя сказать, что быстро, но, учитывая, что время сейчас не имело никакого значения, достаточно для того, чтобы считать, что всё работает правильно.

Вид был прекрасный. Он настолько привык к естественному положению самого себя в качестве теневого правителя станции, что уже и окружающие территории рассматривал как свою собственность, и со временем наблюдения за этой поверхностью, у него уже очертились границы некоторых новых построек, которые он планировал уже в ближайшем будущем. И до этих построек будут проходить отдельные маршруты, где люди также будут работать, выполнять его указания и считать, что находятся под управлением Совета старейшин. Так можно развиваться бесконечно, и, кто знает, может быть, он сумеет создать целую империю, заняв всё пространство Луны. И это дело уже будут продолжать его потомки...

Кстати, вот о потомках следовало позаботиться. Ведь те мимолётные связи, что были у него, до сих пор ни к чему не привели. И хоть он не часто и пытался кого-то обрюхатить, но закрадывались сомнения, что это может и не получиться. С момента начала новой жизни прошло уже двадцать четыре года. На тот момент, ему уж точно было за тридцать, если не сорок. Значит сейчас уж как минимум пятьдесят. А с таким же успехом может быть и шестьдесят. Оглянуться не

успеешь, а ничего уже и работать между ног не будет...

Он серьёзно заволновался и подошёл обратно к столу. Затем нажал на кнопку вызова. Ему хотелось увидеть ту, что была с его точки зрения достаточно здоровой и способной выносить его ребёнка, Сиерру Рейвенвуд. На вид ей было за сорок, сейчас она заведовала административной секцией, и была уверена, что Хеддок обладает каким-то весьма значительным влиянием на Совет старейшин. Об этом ей в скользь сообщил сам Хеддок, когда она торопилась на какое-то совещание. «Не волнуйся, одного моего слова достаточно, чтобы никто не сказал тебе и слова за любое опоздание», – сказал тогда Хеддок.

Стоило услышать её милый голос и позвать к себе, как он в тот же момент подумал о том, что возможно проблема с беременностью исходит вовсе не от него. Его, откровенно говоря, не особо волновали эти вопросы раньше, и из тех материалов, что у него имелись (и больше ни у кого), он ни разу не зондировал почву на предмет возраста беременности. Есть секс, оргазм приводит к семяизвержению, и это семя оплодотворяет женскую яйцеклетку. Судя по всем анализам, яйцеклетки у Сиерры имелись. У него тоже всё работало. Значит и результат должен был быть, но его не было. Может, хотя бы попробовать ещё с кем-то?

У него в непосредственном подчинении работало не мало девушек весьма молодых. Некоторые из них были весьма привлекательны. Но, как ни странно, ему не хотелось менять

Сиерру на кого-то, тем более что минет, который ему нравился в её исполнении особенно, он не хотел получать ещё от кого-то. Ему казалось, что он будто бы променяет её на кого-то. И, хотя он определённо мог сказать, что каких-то глубоких чувств он к ней не испытывает, но терять точно не хочет.

И следующая мысль, которая возникла у него в мозгу, так это то, что вообще беременели на станции очень немногие. Если проснулось всего пять тысяч человек, то сейчас было семь тысяч, то есть всего две тысячи детей. И это при том, что никаких запретов или ограничений на это пока не было.

Хеддок видел несколько докладов Организации Объединённых Наций, где говорилось о перенаселённости Земли, и о том, что некоторые страны не контролируют рождаемость, а это значит, что подобная проблема носила весьма острый характер. Учитывая, что никаких противозачаточных средств, которые применяли на Земле, у них не было, то логичным вставал вопрос о причинах столько низкого количества родившихся детей. И эти причины Хеддок наконец стал увязывать и с собой.

Не только у него одного это не получается. Может быть, из-за Сиерры. Может быть, из-за него. Но процесс этот отнюдь не такой простой, как можно было предполагать. И очень странно, что он не задумывался об этом раньше. Очень странно для себя самого...

Он почувствовал, как что-то покалывает у него на левой

щеке. Совсем чуть-чуть, словно даже и не внутри, а снаружи. Маленькие покалывания, которые и заметить-то не так просто... С чего бы это?

Хеддок потрогал щеку правой рукой, потом немного помассировал. Вроде прошло. Странно. Что это могло быть? В голову первым же делом полезли мысли про связь с недавними самоубийствами. Может быть, и у них было что-то похожее, прежде чем они дошли до такой стадии? Да нет, бред это... Причина в чём-то другом. А это просто самовнушение. Уж получишь себе такие ощущения, когда прочитаешь о людях, которые вытворяет с самими собой такое, что и врагу не пожелаешь...

Раздался стук в дверь. Пришла Сиерра. Как обычно в прекрасном расположении духа. По-другому она и не появлялась. Если у неё что-то было не так, то она сразу говорила об этом, и переносила встречу. Хорошая манера для подобных отношений, и откуда только она взяла такой фокус?

– Ты прекрасно выглядишь... – Хеддок и делал комплимент, и говорил чистую правду. Ему казалось, что когда-то он очень хорошо к ней присмотрелся и застолбил за собой. Она отлично ему подходила: и по темпераменту, и по сексуальным предпочтениям, и по дистанции в отношениях. Такую не так просто будет найти, если вдруг окажется, что она не способна иметь детей... Хотя, впрочем, ничто же не мешает просто обрюхатить другую, а трахаться продолжать с ней. Ведь ребёнок нужен всё же ему, а не им обоим... Так

даже, наверно, и удобнее... К тому же, она действительно не беременеет, сколько уж раз он в неё ни извергал своё семя. Не может такое быть случайностью... Хоть и хотелось бы, чтоб получилось с ней. Она ж и умна ещё. Такую женщину стоит держать поближе и не расстраивать...

– Спасибо, Чарли... Спасибо... – она мигом подошла к нему и устроилась у него на коленках, обвив руками вокруг шеи. – Скучал по мне, да?

– Конечно, дорогая... Дела были важные... Кстати, мне вот интересно твоё мнение... – в голову вдруг попала интересная мысль рассмотреть суицидные дела с женской стороны, в конце концов, какая разница, кто или что даст разгадку. – Мнение женщины с хорошими мозгами...

– Ты прям заинтриговал... – Сиерра улыбнулась и погладила его пальчиками по левой стороне головы, что вызвало в нём самом очень противоречивые ощущения. Что-то будто стало пробираться внутрь него, не показывая пока своей сущности, но чувствовалось настолько явно, что у него участилось сердцебиение.

– Эм... Знаешь... Я вот хотел спросить... – он хотел было сказать «почему люди могут причинять вред самим себе за пару минут перед тем как покончить с жизнью», но договорить не получилось. Это жуткое ощущение проникновения в него с левой стороны головы, с той, где только что гладила его Сиерра, стало настолько осязаемым, что ему уже стало казаться, что кто-то держит его левое полушарие мозга

в своих руках, способных раздавить его в лепёшку. Хеддока мгновенно объял какой-то ужас, ему стало тяжело дышать, и он прижался поближе к своей женщине.

– Что с тобой? – удивлённо спросила Сиерра. – Я что-то не так сделала?

– Нет-нет... – Хеддок передумал спрашивать, что хотел, и тут же почувствовал, как невидимая сила отпускает его. – Я хотел спросить, что ты думаешь, если бы была у нас не одна станция, а несколько. Это повлияло бы как-то на Совет старейшин?

– Ах вот оно что... – улыбнулась Сиерра. – Ещё как повлияло бы. Даже не сомневаюсь... Понимаешь, я вот даже своих сотрудников, которые прекрасно знают, что я могу появиться в любой момент с трудом держу в узде, чтоб не бездельничали. Им же только дай волю, только отвернись, и они начинают заниматься чем-то своим, посторонним... И это я могу появиться в любой момент... А теперь представь, что не в любой момент, а они заранее будут знать об этом. Ведь всё ж видно снаружи, что я направляюсь к ним, что мне ещё надо пристыковаться. Пока ещё я там пройду стыковочные отсеки. И только потом буду у них. Они просто оставят одного на стрёме, а сами будут хоть спать, пока меня нет... Это вот на тот случай, если ты спрашивал, как руководить этим всем... Придётся выходить на совершенно иной уровень...

Она продолжила гладить его по голове, и в этот момент он начал осознавать, что она уже отсидживает ему колени. Всё же

возраст у него уже не молодой, кровообращение оставляет желать лучшего.

– Сиерра, мне уже тяжело. . . – сказал Хеддок, и она тут же пересела на соседний стул.

– Ой, да. . . Не отсидела тебе ничего?

– Всё в порядке. – Хеддок немного размялся и с интересом посмотрел на неё. Ведь она действительно говорила дело. Он об этом и не подумал вовсе. . . Когда прикидывал все плюсы и минусы, ему и в голову не пришло, что люди могут хотеть и чего-то другого. Он привык вертеть старейшину, как ему вздумается, а через них вертеть и людьми. Но то касалось сознания, а не результата. Результат уже дело наживное, и его достижение – необходимость хорошего подсчёта всего, что есть, и чего нет. . . Люди и правда не захотят только работать в рабочее время, и мало того. Те старейшины, которые сейчас так стройно ходят у него под колпаком, не обязательно захотят вести себя также, будучи в несколько ином положении. . . Эту мысль Сиерра ему не высказала, оно и понятно, в виду того, что и не знает всех тонкостей ему положения. Но в реальности, именно это будет заботить его больше всего – насколько именно старейшина, оставленный за главного на такой отдельной станции, будет продолжать быть верным именно ему. Чихать уж на то, сколько там все будут работать. Лишь бы оставались в его подчинении. А, по сути, пока гарантировать это нельзя. . . Ведь придётся или полагаться на конкретных людей, и тут ему очень даже лег-

ко ошибиться. Либо придумывать новые методы контроля, а этого у него нет. Более того, сейчас он многие процессы контролировал лично, и сама власть держалась в том числе и на этом – он сам принимал решения по множеству частных вопросов. В ситуации отдельных станций этого не будет, и в этом случае, стоит вообще задуматься, а так ли уж нужны эти станции? Не лучше ли довольствоваться тем, что есть сейчас... Впрочем, нет. Не стоит. Это всё точно не вечно. И нужен же и запасной вариант... Очень нужен запасной вариант на случай того, что этот суицидальный психоз перейдёт границы... Да и это странное ощущение у него уже начинало проходить. Вроде вот и совсем прошло... Можно бы теперь и спросить про это у неё. Что она думает насчёт возможностей людей по собственному уничтожению.

– Дорогая, у меня к тебе ещё один вопрос... – начал он и тут же его правая рука потянулась сама по себе к левой руке и начала давить пальцем на мягкие ткани в области основания большого пальца, а затем и продавила ногтем там ранку. В этот момент он обратил на это внимание и быстро одёрнул руку.

– Чарли, что ты делаешь?! – крикнула Сиерра и, пододвинувшись к нему поближе, начала разглядывать его ладонь, по которой совсем чуть-чуть, но струилась кровь. – Что с тобой? Ты перенервничал?

Он не мог сказать ни слова. Только что его рассудок перевернулся с ног на голову, а потом обратно за считанные

мгновения. Какая-то кровь на ладони, Сиерра так удивлённо смотревшая на него только что, уже побежала за какими-то медицинскими средствами. И вот эта тьма, которая всего секунду назад была настолько явной для него, внезапно полностью покинула его, выйдя с левой стороны головы. Там, где ещё недавно гладила его женщина.

Хеддок вздохнул, потом проморгался и взглянул на ладонь – он действительно сделал это сам с собой, не чувствуя никакой боли. Ничего этого он не помнил, но так же как порез был виден на левой ладони, так же под ногтем правого большого пальца была часть кожи и следы крови. Они смотрел на это и пытался осознать, что он только что сделал это сам. Пытался, но не получалось. Он не помнил это. Только какую-то чернющую тьму, которая теперь была в каком-то далёком прошлом.

Сиерра уже прибежала обратно с ваткой, перекисью водорода и пластырем. Всё же чудесная женщина. Так заботится и так беспокоится о нём. Будет очень обидно, если всё же у неё нет возможности рожать детей.

– Дорога, скажи мне... Почему у нас не получается сделать детей? – спросил у неё Хеддок, когда она уже прилепляла пластырь. – Мы же трахались достаточно.

– Мне прям даже странно это слышать от того, кто начальствует секцией просвещения. – слегка иронично ответила Сиерра. – Не знаю, чему ты хочешь учить всех. Какое образование давать им. И для чего. Но есть вещи, которых

ни скрывать, ни специально открывать не получится... Есть месячные. У каждой женщины. Они периодически повторяются. Примерно раз в месяц. Это значит, что женщина может забеременеть. А потом, когда женщина становится старше, ну вот как я, то у неё перестают проявляться месячные. И это значит, что она уже не может забеременеть. Ну вот как я...

Старейшина

Пейтон Кросс ничем и никем так не гордился, как самим собой. И каждый день у него начинался перед зеркалом. Именно так он считал начало своего дня. Ещё при пробуждении первая мысль, которая стаскивала его с кровати, была необходимость увидеть себя перед зеркалом. Он подходил и начинал выдавать тирады о том, насколько правильно было очередное «его» решение. Недавнее или уже старое – значения не имело. Ему просто надо было выговориться. Каждый день. И только тогда можно было считать, что день начат.

И каждый день должен был быть не зря. Потому что перед зеркалом он только тренировался. Сначала перед зеркалом, потом ходил по своей просторной комнате, иногда останавливаясь в каком-нибудь месте, и продолжал. Продолжал спорить и безусловно побеждать аргументами своих мнимых собеседников. По ходу он находил контрдоводы, начиная их говорить со слов «вы же можете сказать, что это так-то и так-то, но», где под «так-то и так-то» мог быть ещё отдельный монолог на несколько минут, а потом после «но» следовала череда недвусмысленных грозных аргументов в его пользу. Удивительно, но большинство аргументов появлялись буквально на ходу. Он не сидел и не выдумывал их, как-то отдельно конфигурируя или выверяя что-то в них. Они появлялись сами собой в процессе этого диспута. И каждый раз

всё точнее и точнее.

Это он знал наверняка – всё лучшее приходит только с количеством. Можно сколько угодно вымерять что-то, чтобы сделать один раз, но если это делать постоянно, то неизбежно придёт наилучший результат. Слова – это воздух. А воздух должен быть лёгким и свободным. Ему нужно движение. И тогда он будет в нужной кондиции, нужной пропорции, тогда он будет идеален. И именно это означало необходимость тренировать это день ото дня.

И помимо этого. Он понимал, зачем он это делает. Надо сберечь величайшую тайну того, что они находятся на Луне, а не на Земле. Ведь обладай все этой информацией, и они бы сошли с ума. Только опытные выдержанные люди могут обладать этой тайной. Только они способны держать себя в здравом уме, сохранять хладнокровие и двигаться дальше к цели. Остальных бы убила эта тайна. Остальные не способны контролировать себя. И именно поэтому нужен тот, кто сможет объяснять всё необходимое, вычлняя из общей массы информации только то, что следует общей массе людей знать.

Последняя конфигурация вообще очень ему нравилась. Общая масса информации должна быть правильным образом подготовлена для общей массы людей. Это он придумал уже для себя. Ведь самого себя тоже надо хвалить. Никто другой правильно делать это не в состоянии: при полном согласии тебе лишний раз никто спасибо не скажет, а когда

есть множество недовольных, то все победы в спорах заканчиваются лишь молчанием проигравших.

Такова уж его доля – быть вечным проводником правды. И быть недооценённым обществом при этом. Разумеется, он считал себя таковым. Да, он старейшина. Да, с ним в итоге соглашались. Да, у него было всё, что ему хотелось, и даже никто не смел ему перечить. Но всё же. Не было такого, чтобы люди собирались только затем, чтобы поблагодарить его. Поблагодарить за то, как много он сделал для них. Для их блага. Для их спокойствия. Для их будущего.

Нет, всё же нет, никакого более недооценённого на Аполло-24, чем он. И это при том, что он дал им ответы абсолютно на все вопросы. Все вопросы, какие у них только были. И ведь он даже дал им ответ на вопрос, почему станция так называется. Почему Аполло, и что значат цифры 24. И даже на это он им дал ответ. Как помнится, тогда – моментально.

Буква «А» – это первая буква в нашем алфавите. И именно у самого красивого бога имя начинается на эту букву. И именно этот бог олицетворяет ту красоту, что когда-то была на Земле, и о которой мы должны помнить всегда, если хотим её вернуть. Потому что, вернув эту красоту, мы сможем жить на Земле, как раньше. Первая буква – одна цель – цель в красоте. И ведь все согласились с этим. Никто не стал спорить. Все просто молча согласились. А раз согласились с этим, то объяснить, что цифра «24» означает двадцать четыре выверенных шага по достижению этой цели, которые

знает только Совет Старейшин, уже не составило труда.

Разумеется, никаких 24-х шагов тогда не было. И никто и не думал о них до того, как Пейтон не начал всем рассказывать, что это значит. И как важно понимать, что это не случайно... Уж пришлось в итоге им всем, всем старейшинам как-то собраться и определить, уж по началу для себя, что именно это за шаги. Первого собрания хватило всего на 7 шагов: первый – проснуться, второй – осознать себя, третий – сплотиться, четвёртый – поделиться на секции, пятый – выбрать Совет Старейшин, шестой – осознать себя в данной реальности общества, седьмой – наметить планы действий.

Уже даже на седьмом этапе у старейшин определённо стали скрипеть мозги, потому что приходилось включать не столько память уже, сколько воображения, которого было не особо много. Осталось выдумать 17 шагов, чтобы теория Кросса хоть как-то сходилась с делом, но, учитывая, что конкретных идей не было, а что-то в любом случае надо было оставить про запас. Ведь нельзя же придумать все шаги, которые ещё и можно выполнить. От их выполнения же Луна травой не обростёт, и океаны с водой на ней не появятся. А значит шаги следовать хорошенько обдумывать и выставлять на ходу, когда они потребуются.

Потому восьмым шагом стал преобразованный в гелий-3 реголит. Это действительно важное открытие колоритно вписалось в общую концепцию, ведь новый шаг уже пора было бы объявить. Как-никак, а с момента, когда все очнулись

ото сна, прошло уже двадцать два года... Натали со своим открытием подросла очень вовремя. И тут сформировался и новый запрос – термоядерный реактор. Компактный и куда более мощный, чем используемый ядерный на самом Аполло-24. Это уже будет девятый шаг.

Пейтон не мог нарадоваться своим достижениям по управлению массовым сознанием. Это начинало работать само на себя. Уже и выдумывать ничего не приходилось – всё шло как по накатанной. А всё почему? Потому что когда-то он придумал наличие 24 шагов. Именно он придумал, а не кто-то другой. И придумал тогда, когда нужно было объяснение. Всё не случайно. Всё работает только по замыслу. Его замыслу. И именно поэтому всё работает. Работает, а не разваливается... Без него в этом мире бы был хаос. Неуправляемый, уничтожающий всё вокруг хаос... Кто хочет этого? Никто... А вместе с тем только он оказался способен противостоять этому... Создать свою теорию. Свой мир, в который можно верить и быть уверенным, что делаешь это правильно. Именно он дал им этот мир...

Пейтон прошелся еще раз по комнате и подумал, что кое-кого ему сейчас тут не хватает. Обычно все же этот кто-то нужен был вечером, и она стабильно появлялась, когда он того хотел, но сейчас очень захотелось увидеть её, не дожидаясь чего-то. В конце концов мужчина он уже не молодой, и не всегда у него, возможно, будет работать то, что давало ему таких сил. Сил в спорах, сил в доказательствах, сил быть

самим собой с этим неоднозначном мире.

Он подошёл к своему рабочему столу, снял трубку и набрал номер:

– Дели, ты зайдёшь ко мне?

Он любил спрашивать. Всё, что он хотел от неё, он очень любил спрашивать, а не приказывать. Ему вообще приказная манера казалась какой-то ущербной, сразу демонстрирующую всю слабость своей позиции. Ведь это позиция грубой силы, то есть той силы, когда ты и так знаешь, что тебе не будут отказывать. Не захотят отказывать. Не посмеют отказывать. В чём же преимущество говорить с такой позиции?

А вот любезным вопросом можно показать, что ты ценишь позицию другого. Даже если этой позиции и нет вообще. Ты всё равно показываешь, что ценишь её, как будто бы она была. И это вызывает уважение. Люди хотят делать, а не принуждаются делать. Ведь у них есть видимая возможность отказать... Но они этого не делают. Они соглашаются, и тем самым показывают добровольность этого действия... Нет, только дураки могут открыто принуждать в ситуации, когда можно показать хоть какую-то свободу.

А Делейни, которую он позвал. Да, конечно, у неё уже нет никакого выбора. Она была младше его лет на двадцать, и спала с ним того, когда он этого хотел. И спала так, как он этого хотел. А вкусы его иногда менялись. И он каждый раз спрашивал, а не хочет ли она попробовать что-то новое. Открыть что-то новое. Новые ощущения. Новый опыт. Что-то,

что можно будет потом с интересом вспоминать и не корить себя за нерешительность в своё время. Ведь он только предлагает. Не заставляет, а спрашивает её разрешения. Разрешения на всё.

Иметь её тогда, когда он хочет, а не она. На это он спрашивает у неё разрешения. Иметь её в рот каждый раз. И это спрашивает. И каждый раз спрашивает. И очень деликатно спрашивает. Фразой «Ты не хочешь сделать мне минет в самом начале?». Пейтон никогда не изменял своему правилу. И когда ему хотелось кончить ей в рот, то он спрашивал её «Ты не остановишься, ведь правда?». А когда не хотелось, то «Ты не могла бы остановиться на минутку?»

И каждый раз же было всё так, как он хотел. Она или продолжала или останавливалась. Именно так, как ему было надо. А потом вставала в те позы, какие ему нравились. И дальше делала тоже только так, как ему нравилось. И всё достигалось одними лишь вопросами, на которые можно было ответить и так, как ей бы захотелось, а не ему. Но отвечала она всегда именно так, как хотелось ему.

Вот она, где власть. Когда сами хотят делать то, что тебе надо. Даже будь у них выбор, а всё равно хотят так, как тебе надо. И ведь могут даже сами упрашивать этого. И с Делейни так было. Она сама начала упрашивать как-то начать с минета. И ведь как упрашивала при этом. Аж не отговорить было... Может, дело было в том, что он сам не знал в тот момент, как хочет. Может, в этом. А, может, в том, что

в те дни начинал подумывать о том, чтобы подыскать себе другую... У него была другая на примете. Он ещё не понимал, насколько она готова к чему-то откровенному, и как у неё это получится, потому колебался... Видимо, так колебался, что Делейни заметила это. Видимо, забеспокоилась. И вот и начала уговаривать в тот раз... И ведь получилось же! Как уговорила, так он и забыл о другой кандидатке. Вот она где вся добровольность выбора. Там, где можно что-то потерять. Там и подтверждается, насколько дорого ценится их правильный выбор. Тот самый, который они делали все те предыдущие разы.

Кто-то мог бы сказать, что люди привыкают. Что люди боются. Но нет. Глупость это всё. Люди хотят делать тот выбор, который сделали за них. Уж можно долго спорить о причинах этого. Но результат один – люди выбирают то, что выбрали за них куда охотнее, чем то, что выбрали сами. Пейтон очень давно понял это правило. Ещё когда только начинал быть поводырём у этой бестолковой толпы, которая жаждала ответов больше, чем достатка в чём-то. А получив эти ответы стала требовать их объяснения. Потом объяснения объяснений, и так множество число раз, питаюсь со временем уже только этим.

Наконец, появилась и Делейни. С длинными рыжими волосами, заплетёнными в косичку. Высокая, стройная. Одетая не в обтягивающий комбинезон как большинство её сверстниц, а в короткую юбку красного цвета и в такого же

цвета кофточку с вырезом на груди. Ведь знает, как одеваться. И чтобы грудь красиво смотрелась, когда она будет делать ему минет, стоя на коленях перед ним. Знает, зачем пришла.

Она аккуратно прикрыла за собой дверь и подошла к старейшине, немного пряча взгляд куда-то вниз:

– Скучал по мне, да?

– Скучал, конечно... Всю ночь о тебе думал... Ты ведь заперла за собой дверь?

– Конечно, заперла Пейти...

Делейни уже вставала на колени перед ним, медленно проводя рукой от внутренней стороны бёдер к его промежности:

– Что-то заперла... Что-то надо отпереть...

Она расстегнула ширинку у него на штанах, а затем пролезла внутрь ладонью, нащупав твердеющий член:

– Ты же не против, если мы начнём с этого?

– Нет, совсем не против, Дели...

Его поражали собственные способности. Она сама стала задавать столь правильные вопросы, касающиеся её самой. Это поистине новый уровень. Не просто правильно отвечать на его вопросы. А правильно задавать свои. По сути, упрямая сделать то, что нужно ему самому. Это очень характерно для людей, которые нашли свою точку опоры в мире, где им так нужны чужие решения. От этой мысли Пейтон возбудился ещё сильнее и через пару мгновений ему стало казаться, что он словно готов начинать взрываться...

Когда она делала минет, он думал о том, что всё же не против того, чтобы подыскать себе какие-то запасные варианты. Всё же она делала это слишком уж хорошо. Настолько хорошо, что случись чего с её мнением, случись ей отказаться, и он может потерять самообладание и пойти у неё на поводу. Это очень опасно... А потому необходимо всё же найти какую-то замену на этот случай. Пусть новая кандидатка не будет справляться настолько хорошо, но, по крайней мере, это будет хоть что-то на тот момент, пока не вернётся Делейни.

Удивительно всё же, какие умозаключения иногда приходили Пейтону в голову. Он прекрасно видел, насколько классно ему было с ней, и именно потому он так отчаянно начал думать над запасными вариантами. В его понимании это называлось весьма высокой живучестью. Таких как он просто не потопишь.

Смешно же ведь сейчас звучит. Потопишь. Где здесь можно что потопить, когда всю имеющуюся воду на станции берегут так, что и мочу перерабатывают. Всё перерабатывают, лишь бы дать воде очередной новый цикл. Воде... А не ему. У него нет и не может быть никаких циклов. Он вечен. Он способен на всё, и даже на большее...

В эти моменты у него как-то странно стало работать сознание. Поначалу он подумал, что наступает оргазм, но это было вовсе не связано с этим. Что-то с левой стороны его головы будто начало проникать ему вглубь, а потом как-то странно сжало внутри. Прямо в мозгах.

Пейтон положил свою правую руку на голову Делейни, совершавшей время от времени поступательные движения, и сначала чуть-чуть, а потом сильнее сдавил её раз, а потом снова ещё раз и намного сильнее, абсолютно не понимая в происходящее вокруг и с ним самим.

Девушка вскрикнула и быстро отшатнулась от него:

– Пейти, что ты делаешь?!

– Ох, извини, детка... Перенапрягся... – Пейтон сам не понял, что только что сделал. Ему казалось, что это вовсе не он, прекрасно понимая, что рука-то его. И что кроме него это никто не мог сделать...

Но это не оказалось чем-то страшным, ведь Делейни только улыбнулась одной стороной губ и интригуяще повела бровью:

– Понравилось значит так, что уже и с собой совладать не смог... Ну посмотрим, как ты сможешь совладать с этим...

Она принялась за его членом с новыми усилиями, поворачивая голову из стороны в стороны и помогая себе обеими руками. И ему правда начало казаться, что в голове у него искрятся звёзды от такого возбуждения. Он застонал от наслаждения и слегка откинулся на спинке кресла. До чего это круто, когда у тебя есть женщина, готовая доставлять тебе такое удовольствие. Когда ты будешь сидеть в своём кресле, а она – лишь склонять перед тобой и ласкать твоё мужское естество. Как хорошо, что есть она... Он уже было хотел сказать «Ты не остановишься ведь, правда?», но тут она сама

слегка отвлеклась от своего занятия и нежно спросила:

– Мне ведь продолжать?

Пейтон смог лишь еле ответить «Да», не поднимая головы, и тут же застонал от наслаждения, предвосхищая оргазм. А ведь она и такие вопросы научилась задавать сама. Насколько способная ученица, уже всё делает сама. Уже только говори ей «Да». Уже только собирай плоды с неё... А ведь не сразу к этому пришли. Вначале надо было долго ей рассказывать про весомость уважения, про необходимость понимания, про системообразующее значения иерархии в обществе. И как она тогда не до конца понимала все эти вещи, пытаясь высказать что-то своё. Уж не говоря про самое начало их отношений, когда она смотрела на него ещё выпученными глазами, пытаясь воспринять, как она тогда сказал «ересь» из его уст. Рассказывала про возраст, про недопустимость такого отношения к ней. И всё же спустя пару недель сначала позволила дарить себе подарки, потом трогать себя, потому управлять её временем, потом не работать, как все остальные, потом работать только на него, и, наконец, делать только то, что он хотел с ней делать.

Это всё долгий путь, и Пейтон знал все правильные и неправильные шаги в нём. Особенно неправильные. Он несколько раз себе повторял, что не надо торопиться, что надо быть выдержаннее и умнее. И только стремление обладать ей привело его к цели. Эти постоянные тренировки с утра, убедительные речи перед зеркалом, которые с каждый

разом становились всё более лаконичными и аргументированными. Пока не дошли до идеала. Того идеала, что убедил её в неизбежности её поражения перед ним. А уж лучше раньше, чем позже, и добровольно, чем принудительно... Про это, конечно, это тоже рассказывал ей отдельно, причём задолго до того, как надо было свести разные его доводы с этим положением вещей в мире.

И теперь вот это. Она делает ему минет. С удовольствием. Всё только так, как он хочет. И при этом она ещё и сама правильно угадывает его желания. Как это называется? Совершенство. И это то совершенство, до которого довёл он... Уж чего-чего, а надо это теперь беречь, раз это всё досталось ему таким трудом.

С широкого размаха его правая рука влепила девушке пощёчину. Раздался звонкий стук ладони о щёку, и девушка свалилась на бок. Пейтон чувствовал боль в своей правой ладони, и понимал, что сейчас это сделала его рука. Он сделал. Только что ударил со всей силы свою же женщину, стоявшую перед ним на коленях и ласкавшую его член. Ударил, потому что видел, что это возможно. И что это будет самое яркое, что только можно сделать в этой ситуации. Эти мысли молниями носились в его голове из стороны в сторону.

Что значит самое яркое? Это ли самое невозможное? В этом бесконечная сила, делать самое невозможное в самый неподходящий момент? Или это безумие? А где границы безумия и достижения невозможного? Да, ударил её. Пото-

му что мог. Мог беспрепятственно это сделать. И в такой ситуации, которая не подходила для этого... Она почти довела его до оргазма. Он почти кончил, как хотел. Он должен был бы быть рад ей, благодарен, чувствовать её ближе к себе... С чего вдруг так с ней обращаться? С чего вдруг бить её? И именно в такой момент? Какой смысл вообще был в этом действии?

То что это казалось невозможным. Нереальным. Но он сделал. Он может делать невозможное. И теперь, когда она чуть поднялась и, опираясь на одну руку, а другой держась за ушибленную щёку, бешеными глазами смотрела на него и не могла даже вымолвить ни слова, он начал понимать, насколько хорошо он прав. Насколько правильно, как никогда в своей жизни он поступил сейчас. Да ещё и как удачно – правой рукой об её левую щёку. Мир, буквально залился красками в глазах Пейтона. Ему казалось, что сами звёзды теперь освещают его путь, сами звёзды показывают ему, как жить. Как действовать. Как быть лучшим прежде всего для самого себя.

Из носа у Делейни начала течь кровь, и она машинально начала шмыгать носом. Теперь она выглядела жертвой. Ещё только что такая яркая и насыщенная, теперь она начинала становиться ничтожной и ненужной. Хоть её фигура до сих пор была прекрасно, а грудь до сих пор красивыми изгибами выпирала из кофточки, сама Делейни, её лицо и глаза, начинали угасать. Прежде всего, во взоре Пейтона.

Ему казалось, что он довёл её до совершенства, а затем также с этого совершенства и убирает. Не надо было терять её – её хотелось выбросить. Ведь он сам буквально только что, буквально пятнадцать минут назад размышлял о том, что случись ей отказаться от него, и он может не устоять и пойти у неё же на поводу. Он у неё пойти на поводу! Вот оно как всё выглядело. Совершенство, которое создал он своим умом, своими силами. Это совершенство бы не служило ему, а стало бы водить его как шавку... Захотела сама им управлять? Вот, что она захотела. Она изначально к этому и шла. Хотела с самого начала всё испортить. Но... Не тут-то вышло. Он знал, как это сделать. Как это сделать так, чтобы это работало только на него...

Пейтон улыбнулся от новых интересных мыслей, которые витали у него так слаженно и понятно. Его правая рука ухватилась за большой стакан и приблизила его ко рту, а потом сделал движение, чтобы выпить. Внутри оказалась почти пусто, буквально одна капелька виски на самом доньшке, которая скатилась по краям стакана и залетела внутрь. Едкий вкус осел на языке, и Пейтон ещё раз посмотрел на девушку – сексуальная, даже в таком побитом положении сексуальна. Всё же старания прошли не зря...

Она попыталась подняться, но правая рука старейшины с крепкой сжатыми пальцами большим квадратным стаканом опустила её на лоб. Раздался гулкий стук, и она распласталась на полу. Это ещё сильнее возбудило Пейтона, и его

член напрягся до предела, а потом он кончил, брызнув прямо на себя. Пальцы выронили стакан, и он отскочил в сторону. Никогда ему ещё не было так хорошо, как сейчас. От тех правильных лаконичных и естественных действий, которые он делал, словно играл по нотам ту музыку, что была у них лишь в записи... Никто на всей станции не мог играть по нотам, а Пейтон мог... И как... Что ощущается весь мир. Всё, что только есть на их собственной станции, на Луне, о существовании которой знают лишь избранные.

Такие, как он. Но он, в отличие теперь уже и от остальных избранных, знает кое-что ещё. Он знает, как выглядит идеальное в мире. То идеальное, которое нельзя повторить. Которое происходит лишь один раз для каждого одного раза. Того самого раза, что можно увидеть лишь в процессе... Только тогда можно увидеть те тайны, что всегда скрыты от нас. Что открываются лишь на мгновения в такие моменты, когда ты их не ожидаешь увидеть... Через невозможное в самое неподходящее время... До чего же это прекрасное чувство...

Пейтон наконец немного начал восстанавливать силы, глаза его раскрылись, и он смог нормально видеть. Он так и сидел в кресле со спущенными штанами, забрызганный своей спермой, а рядом с ним на полу лежала Делейни. Из её носа текла кровь, но при этом она дышала и, по всей видимости, была не настолько сильно травмирована, как это могло показаться на первый взгляд.

– А зачем я это сделал? – старейшина сказал это вслух, причём достаточно громко. Он продолжил вслушиваться в дыхание девушки, и почувствовал, что жизни в ней ещё более чем достаточно. Эта мысль, с одной стороны, показалась ему странной – как это так он на расстоянии может определять живучесть кого-то просто по дыханию. А с другой – определённый уровень успокоения, что были ещё возможности что-то менять, если он передумает.

– *Нельзя передумывать!* – прогрехотал какой-то голос в его сознании. Он прям готов был поклясться, что тот голос, что был только что в его голове, не принадлежал ему самому. И вообще никому не принадлежал. Это было что-то само собой разумеющееся. Будто не относящееся ни к живому, ни к мёртвому. А к тому, что за гранью этого... И ему показалось, что нельзя спорить с настолько очевидной мыслью. Нельзя передумывать то, что так важно было сделано в невозможный момент. Недопустимо это передумывать.

В этот момент он почувствовал, что снова возбуждается. Его член снова стал подниматься, а в глазах замелькало светом. Есть ещё вещи, которые следует довести до конца. Не сделай это сейчас, и в другой раз будет уже не то. Нельзя откладывать такие вещи. Такие, которые не повторяются. Которые каждый раз бывают только однажды в своём роде. И сейчас у него именно такой момент.

Пейтон оглядел пол и увидел валяющийся стакан. В голове промелькнули мысли, что если бить им, то могут быть

осколки, и они могут отлететь ему в глаз. Это очень маловероятно, но это отдаляет его от совершенства. Это отдаляет от того, что делает правильно в один единственный момент, который может быть только сейчас. Нельзя думать о возможности разбить стакан – нужно думать только о том, что делаешь правильно. Нельзя опасаться чего-то – нужно только что-то правильно делать. Нет. Этим стаканом дальше он может только всё испортить.

Вот руки у него ещё есть. Они идеальны. Они будут делать, как надо.

Ему захотелось чуть сползти со своего кресла, чтобы оказаться к Делейни поближе, обхватить её и мягко душить, пока она не перестанет дышать совсем. Но тут ему стало тяжело дышать. Он стал чувствовать, как его дыхание буквально перехватывает. Как что-то под лопаткой начинает странно побаливать... Ведь он правда уже не молодой. Такие напряжения ему явно не по возрасту. Слишком переусердствовал. Это перебор для него... И хоть момент правда идеальный. Хоть правда такого больше не будет. Но силы оставляли его... Хватит только на одно действие. Всего на одно. Потом он не сможет уже ничего не сделать.

Пейтон дотянулся до своего телефона на столе и, подняв трубку, набрал номер медицинской секции.

Хеддок

Ему нравилось в отдельное время заниматься тем, чем он занимается – не просто возглавлять секцию Просвещения, а не преподавать уроки самостоятельно. Он где-то вычитал, что в школах директора сами проводили для учеников какие-то отдельные предметы, ведь так можно было не просто руководить предприятием с высока, но и знать всех учеников изнутри. Знать, на что они способны, прилежны или нет, умны или нет, хотят ли что-то от жизни, и что вообще представляют для школы.

Хеддок тоже хотел всё это знать, правда у него задача была посложнее. Семь тысяч человек. И пусть далеко не всем предметам приходилось учить взрослое население, но абсолютно всех надо было учить истории. И именно этот предмет он вёл лично. Каждый день, без выходных. Хоть понемногу, но у него были занятия каждый день. И каждый день он рассказывал то, что считал нужным закладывать в умы жителям станции.

Ведь ту историю, которую он преподавал, знал только он. И только он сам и выдумал. Разумеется, небольшая часть была отведена и под древнюю историю: про Египет, Шумер, Китай, Древние Грецию и Рим, эпоху Средневековья, Возрождение, Просвещение, Золотой век дипломатии, кровавый 20-й век и небольшой кусочек 21-о. Вот этому неболь-

шому кусочку 21-о века он отвёл всё внимание, переделав его в огромный пласт информации, плавно перетекающей из той реальности, которую он сам знал из записей, найденных на разного рода носителях, и той реальности, которую он со-здал, чтобы доказать, что все находятся на Земле, а не где-то ещё.

И тут ему пришлось действительно потрудиться. Это не та демагогия, которую мог до бесконечности нести Пейтон Кросс, складывая два плюс два и получая необходимое под любые потребности число. Это совсем другое – необходимо было аргументировать, доказать, выстроить логическую цепочку с выверенным результатом. Для этого нужен не дар убеждения, а умная голова на плечах, способная выстроить системный подход во вдалбливании этой информации не только подрастающему поколению, но и уже взрослым людям.

Да, конечно, следует исходить, что все кругом ничего не знают. Что они готовы изначально верить во что угодно. Но это всё только в начале. А по прошествии времени: может, месяцев, может, лет, в любом случае появятся вопросы. И на эти вопросы уже должны быть готовы ответы. Чем раньше готов ответ, тем легче его воспримут. Можно, конечно, рассказывать что и почему по мере поступления вопросов, как это делает Пейтон Кросс, но тогда придётся целыми днями повторять одно и тоже яростно и фанатично. Так, чтобы это выглядело достоверно. И тогда всё держится лишь на од-

ном – бесконечной способности убеждать эмоциями. Соответственно, и жить в этом случае будет всё до тех пор, пока эта способность будет оставаться всё в таком же виде. А это значит, что всё будет жить буквально на честном слове.

И такое положение дел Чарли Хеддока не устраивало. Всё должно было работать само по себе. Люди должны были рассказывать всё и доказывать друг другу сами по себе. Люди должны были спорить друг с другом, а не с ним, не с Хеддоком. Вот в чём принципиальная разница его подхода, от подхода старейшины, заведующего всей пропагандой на Аполло-24.

И сейчас он стоял перед залом, полным взрослых состоявшихся людей, и рассказывал про то, как некогда люди довели Землю до того состояния, в котором она сейчас находится. Как переполнили её собой, как загадили реки, моря и озёра. Как испортили весь воздух. Как нарушили мировой баланс всего: круговорота воды в природе, содержания углекислого газа в атмосфере, даже наклон Земли к собственной оси. И всё это привело к тому, что они могут наблюдать сейчас.

Как все надеялись, что что-то может исправиться, когда группа выживших решила поместить оставшееся население планеты в криокамеры, задать тысячелетний срок его пребывания и разбудить после этого. И это всё сделали они сами. Сами с собой. Это очевидно, и быть по-другому не могло, ведь именно они проснулись в эти криокамерах, пусть уже и не помня ничего из своего прошлого.

Вся концепция могла уложиться в несколько предложений, но Хеддок растянул её на два с лишним часа. Лишних слов при подтверждении не бывает. Они бывают лишними при оправдании. Когда надо что-то опровергнуть. А вот когда надо что-то доказать, то каждое дополнительное слово будет лишь дополнительным кирпичом на твоей чаше весов с аргументами.

– Есть вопросы? – Хеддок завершил говорить и добродушно уставился на своих слушателей. Около трёхсот человек сейчас слушали его, многие пришли на эту лекцию уже не в первый раз, и у него складывалось впечатление, что он, скорее, в кругу единомышленников, нежели слушателей.

Молодой парень поднял руку:

– Да, у меня есть, господин Хеддок.

– Прошу Вас. Как Вас зовут?

– Меня зовут Остин...

– Прошу Вас, Остин. Какой у Вас возник вопрос?

– Я бы хотел узнать... В общем... Если Земля была так перенаселена... И так много людей было. По всей Земле... То почему осталась только одна станция? Почему не несколько? Можно ж было сделать много станций, раз так много людей есть...

Он не успел договорить, как уже скорей пожилого, чем зрелого вида тётенька криком перебила его, утверждая, что он несёт глупость:

– Да, ты правда не понимаешь? Это было всё ради нашего

спасения! Мы еле выжили. Мы остались целы, только потому что отчаялись на такой важный шаг. Если бы мы этого не сделали, то всю человечество бы погибло. Всё! Как ты можешь это не понимать?!

К ней подключилась ещё одна тётенька помоложе и ещё несколько человек разных возрастов, иногда поддакивающих на некоторые их реплики. Из разных концов зала стали разноситься разнообразные оклики, упрекающие молодого человека. Сам Остин пытался сказать, что задавал свой вопрос лектору, что суть вопроса состояла в желании понять произошедшее, а не упрекать кого-то в решениях, что всё, что он хочет, так это лучше разбираться в причинах и следствиях и не более того. Его никто не слушал. Его только перебивали, учили, затыкали рот и с определённого момента уличили в глупости и высокомерии.

Хеддок глядел на это и не мог нарадоваться тому, как построил весь свой процесс. Не зря он так хорошо классифицировал свою аудиторию – с ним всегда должны быть те, кто на уровне веры согласен с его аргументами. Такие люди, для которых его правда является непреложной, практически священной истиной, которую нельзя подвергать сомнению даже в собственных мыслях, не говоря уж про то, чтобы делать это публично.

Когда он смотрел на подобное, то каждый раз только и делал, что успокаивался. Его правда держится в этом мире железно. Его правда может существовать уже сама по себе. Эти

лекции, по сути, нужны были уже только за тем, чтобы размяться. Тряхнуть стариной, чтобы не терять хватку. Да и для собственного удовлетворения и поднятия духа было очень важно в очередной раз убедиться, что система работает слаженно и долговечно. Что она держится не на моменте, не на случайности, а на выверенных расчётах, которые и правда могут существовать вечно.

В зал незаметно зашёл помощник Хеддока и тихонько пошёл к нему. Приблизившись совсем вплотную, он прошептал ему на ухо:

– Господин Хеддок, у Пейтона Кросса инфаркт. И при нём найдена без сознания Делейни Харпер. У неё сотрясение мозга.

– Это он её так? – также шёпотом спросил Хеддок.

– Похоже, что да.

– Я иду. – начальник секции Просвещения повернулся в сторону зала, где всё продолжался спор с явными победителями и аутсайдером, и обратился к ним:

– Ну что ж, похоже, что все ответы мы получили, так что предлагаю на этой радостной ноте завершить сегодня нашу лекцию...

Когда Хеддок первый раз услышал о том, что случилось, то просто подумал, что старикан слегка перебрал, а потом не рассчитал силы и не со зла, а, скорее, во вспышке мимолётного гнева задел чем-то свою подругу. Но подробности

были несколько иными: Пейтон со спущенными штанами и следами спермы на собственном брюхе, валяющаяся рядом с разбитой головой и кровоточащим носом Делейни, а также пустой стакан возле кресла. Узнав всё это Хеддок несколько переменял своё мнение.

Ни о каком порыве ярости тут речи идти и не могло. Всё это походило на явный садизм со стороны старейшины. Сначала он ударил её по щеке, а затем и стаканом по голове. Непонятно, в какой именно последовательности он при этом кончил, но взаимосвязь этих вещей несколько пугала.

Хеддок знал о похождениях своего лучшего пропагандиста, заклинателя умов и сомнений. Знал, что Делейни частенько заходит к нему и несколько раз даже на скрытых камерах видел все подробности таких встреч. То, в каком положении находились они оба, говорило лишь о том, что, по крайней мере, изначально всё проходило так, как это было обычно. Но что-то пошло не так... Вот это «не так» пока не укладывалось в голове Хеддока, ведь Пейтон никогда не отличался какой-то физической агрессией.

Да, бывало, он часто кричал в спорах, часто размахивал указательным пальцем, строил грозные рожи и выпучивал глаза не только на оппонентов, но и вообще на всех собеседников. Не было никакого сомнения, что это лишь сценическая роль и не более того. И тем более это подтверждалось, что даже в тех случаях, когда что-то могло дойти до мордобоя, то Пейтон, видя это, спешно прятался за спинами кол-

лег, огораживая себя самого от возможной опасности. И никогда не пытался сам ударить кого-то, как бы сильно не грозился при этом. Словом, рукоприкладство было весьма чуждо его натуре.

А тут выглядело так, будто он в своё удовольствие отметил женщину, которая в этот момент ещё и ублажала его. Делала всё, как он хочет. А он в ответ – стаканом по голове. Ничего кроме как садистские наклонности в купе с каким-то ещё психическим отклонением в голову не приходило.

Может быть, старикан зазнался до такой степени, что начал считать себя вершителем судеб? Всякое происходит в мозгах у людей, а когда управляешь массовым сознанием людей, то крыша может съезжать в два счёта – огляннешься, а человека уже и не узнать. Но почему именно сейчас?

Пейтон уже два десятка лет занимается тем, чем занимается. Уже двадцать с лишним лет, как только придумали институт Совета Старейшин, он занимает там свой пост. Что случилось за последнее время такого особенного, что вдруг ему понадобилось такое творить? Или он уже давно это делает, а мы просто не замечали? И не заметили бы, если б не его инфаркт?... Кто-то, а Делейни по крайней мере на это должна была дать ответ.

– Тебе хоть немного получше? – Хеддок стоял перед Делейни, до сих пор державшей ледяные камни у своей головы. На станции для охлаждения использовали осколки скальных

пород, охлаждаемых снаружи – температура за пределами помещений могла достигать минус 170 градусов по Цельсию, и спуская на специальных подъёмниках формы с этими породами, можно было моментально охлаждать что угодно.

– Мне отвратительно... – девушка действительно была в отчаянии. Помимо ушиба на голове и покраснений на носу, у неё было заплаканное лицо и лопнул сосуд на глазу, отчего тот ещё больше покраснел. На неё было очень жалко смотреть, особенно, учитывая, что Хеддоку всё время вспоминалась Сиерра, также часто посещающая его кабинет с похожими целями. И хоть себя от Пейтона он отличал весьма основательно, схожесть ситуаций невольно напрягала.

Хеддок присел рядом и руками обнял её за плечи:

– Делейни, всё уже позади... Пойми, нам лучше знать, что там произошло... Случаи насилия на станции – это очень опасно. Это касается всех нас... У нас нет возможности куда-то переселиться или давать вторые шансы на что-то. Нас всего семь тысяч. Ты сама это знаешь. Это всё человечество... Мы не можем допустить, чтобы среди нас были люди, которые опасны для остальных... Делейни, ты понимаешь, насколько важно то, что ты знаешь?

Хеддок очень хорошо умел строить разговор так, чтобы никто не думал переключать ситуацию на него. Уже не в первый раз, когда ему приходилось действовать самому, а открыто говорить при этом, что он тут главный, разумеется, ему было нельзя. Ведь официально он был, хоть и далеко не

рядовым, но и не первым, не старейшиной, не главой секции Безопасности. И та роль, которая давалась ему как руководителю секции Просвещения, позволяла лишь действовать мягкой силой, просить о помощи, быть на позиции того, кто сам в чём-то нуждается. И в этой стезе можно было только спрашивать что-то, если речь не касалась образования и идеологии. С другой стороны, Хеддок устроил всё так, что идеология стала пронизывать все слои жизни общества, а значит любое отклонение – не что иное, как его непосредственная работа. Люди не хотели быть виноватыми при нём – они хотели чем-то помочь ради общего блага, и это было его главным преимуществом перед теми людьми, что работали в секции Безопасности.

– Понимаю... И именно потому что понимаю это, мне не хочется делать что-то, что отправит Пейтона в Тоску.

– Делейни, мы делаем всё именно для того, чтобы этого не случилось. Он же старейшина. Он должен подавать нам пример... Поверь мне, никто пока ничего не знает про это. И я даю тебе слово, что ничего из того, что ты мне расскажешь, не выйдет за пределы этой комнаты... – Хеддок обвёл рукой всё помещение, и снова вернул её на плечо Делейни. Не смотря на её нынешнюю побитость и заплаканность, она всё же до сих пор выглядела очень привлекательно. Ещё и с этим вырезом на груди. И несколько раз взглянул на её грудь сверху, находясь совсем вплоты, Хеддок почувствовал, что начинает возбуждаться, что было совсем не вовремя. Пото-

му он убрал от неё руки, чуть отсел и, скрестив свои ладони в замке, уставился девушке прямо в глаза.

– Ты обещаешь? Обещаешь, что Пейтон не попадёт в Тоску?

– Делейни. Никакой Тоски. Всё уже позади. Нам просто нужно знать, что там было.

– Я просто пришла к нему... Пришла, как обычно... Мы очень близки... Мне очень нравится, как он умеет говорить что-то, доказывать, объяснять... Он же очень умный... Мне это очень нравится... Я расслабляюсь от этого.

– Да, хорошо... Ты пришла к нему... В каком настроении он был?

– Всё было как обычно. Он был рад меня видеть. Как обычно рад. И то, что он выпил перед этим, тоже было как обычно. Он достаточно часто что-то пил перед тем, как меня увидеть. Мне даже со временем начало это нравиться... Я понимаю, он так расслаблялся. Чтобы ему было легче со мной... Ты понимаешь, что у нас есть немая разница в возрасте. И, видимо, ему не так просто настроиться... Не знаю, как виски может в этом помогать, но... Мне главное, чтобы он был в состоянии... Ну... Трахать меня. Чтоб он смог это делать...

– Я понимаю... Хорошо. Ты пришла. Он уже выпил к тому моменту. Был в настроении. Ты подошла к нему... Потом?

– Мы начали заниматься любовью...

– Понимаю, может быть, нелегко это говорить. Как имен-

но это было... Это необязательно. Правда.

– Нет, я скажу... Я начала делать ему минет... Ему всё нравилось. Я чувствовала. А потом он как-то странно сдавил мне щеку рукой, больно сдавил. Я вскрикнула и спросила, что он делает. Он как-то странно выглядел, будто не в себе. Но я подумала, что это от возбуждения. Хотя такого никогда не было раньше... В общем, я продолжила, и в какой-то момент он сильно ударил меня снова по тому же месту. По щеке. И я упала на пол... Это было ужасно. Я вообще не понимала, что такое произошло. И почему он это сделал. Ведь всё было хорошо... У меня полилась кровь из носа. Я смотрела на него, пытаюсь понять, почему он это сделал... Но у меня даже не хватило спросить это... Спросить, почему... – Делейни разревелась, и Хеддок обнял её, аккуратно поглаживая по спине.

– Всё в порядке, Делейни. Уже всё позади... Можешь не рассказывать дальше, если не хочешь... Всё в порядке...

– А потом он взял со стола свой стакан с виски и допил его... В этом было что-то ужасное... Он как будто отметил какое-то достижение, когда пил. Как будто был рад тому, что смог так сделать... И его глаза. У него никогда не было таких страшных глаз... Это словно не его глаза. Они даже поменяли цвет. Стали какими-то стеклянными... И... Молодыми... Я точно помню, что меня очень удивило, насколько у него могут быть молодые глаза при его возрасте... И, когда он допил стакан, мне показалось, что на этом всё. Что мне что-

то скажет теперь. Как-то объяснит, зачем так поступил... И последнее, что я помню, как он замахивается этим стаканом на меня... Это было так страшно... Я в жизни не помню настолько страшного выражения лица. В нём не было никакой злобы или ненависти. Не знаю, ко мне или ещё к кому-то... Он как будто был просто доволен тем, что делает это. Что наконец так долго ждал момента, и теперь может наконец сделать это... Это чудовищно... И тем более чудовищно, что он поступил так именно со мной...

– Понимаю, Делейни. Всё уже позади... Обещаю, тебя никто больше не обидит.

– Но я не хочу, чтобы его отправляли в Тоску! – девушка чуть отодвинулась. – Я знаю, что будет с ним в Тоске. Не надо такого... Это какое-то помешательство. Я уверена, оно пройдёт.

Она продолжала что-то ещё говорить про то, что он исправится, что это было мимолётной ошибкой, и что всё хорошее ещё впереди, а Хеддок прокручивал в голове слова про «я знаю, что будет с ним в Тоске». Это что же выходит, кто-то рассказывает всем, что происходит в его тюрьме? Что даже отдельно стоящее от основной станции строение не позволяет создать полную конфиденциальность?

Ведь все надзиратели отбирались отдельно, проверялись и проверяются постоянно. Они не контактируют с остальными гражданами Аполло-24 и не общаются с заключёнными. А из самих заключённых никто уж точно ничего передать не

может, так как если он попадает в особые условия, то дороги обратно нет. А те, кто возвращаются, ничего страшного-то и не претерпели. Так чего такого может бояться Делейни, если не может этого знать?

– Не пойму, чего такого страшного может быть с кем-то в Тоске? Делейни, там же просто изолируют людей от всего общества, чтобы они не представляли угрозу. Вот и всё...

– Да?! И заставляют их издеваться друг над другом после жеребьёвки?

– Какой ещё жеребьёвки?

– Что им дают возможность угадать сторону монетки орёл/решка, и если выиграл, то надзиратель, а если проиграл, то заключённый. Ты не знал про это? Ты же у нас глава Просвещения. И неужели не знал?

Вот это уже было интересно. Об этом точно не мог знать Пейтон – всё что происходило с ним всё время прослушивалось, просматривалось и простукивалось. Уж в каком-то разговоре, но это бы выяснилось. Стало быть, Делейни узнала это ещё откуда-то... Но такие подробности...

Становилось похоже на то, что у Хеддока где-то назревало целое скрытое движение, которое ищет, а потом распространяет подобную информацию. И возможно даже организованное движение, которым кто-то руководит. И этот кто-то вполне может вынашивать планы в том числе и политического характера. В голову налезло уже столько мыслей, что становилось страшноватенько от того, сколько всего может

скрываться за тем занавесом, который он сам устроил в виде бесконечных разговоров про жизнь до криосна и правильного пути после того, как все проснулись... Это далеко не вся жизнь, которая есть на станции. Люди хотят ещё многого, даже если молчат об этом. И не стоило надеяться, что на этом месте образуется вакуум.

– Делейни, не спеши... Не знал что? Про выдачу жребия? Нет, не знал. Не знал, потому что этого нет. Откуда ты такое взяла?

– Чарли, ты в облаках что ли витаешь? Кто про это не знает? Мы слышали это от одного надзирателя, потом от другого. Одно и то же. Как они гордились тем, что им выпало правильное значение. А раз так, то они получили возможность делать с заключёнными, что им захочется... Я понимаю, тебе никто не хотел говорить, потому что... Потому что ты такой хороший. Так мило рассказываешь всегда про светлое будущее, которое есть у нас. Про то, что оно вообще есть... Это очень дорогого стоит. Мы все в него верим, Чарли. Все... Наверно, поэтому тебе никто не рассказывает... Ведь ты такой добрый. Так нас всех поддерживаешь. Не то, что Таннет. Не то, что некоторые старейшины... Им ведь тоже никто не будет ничего рассказывать, потому что знают, как они поведут себя при этом. Будут всё отрицать. А Пейтон, так и убедить в обратном сможет. В этом никто не сомневается... Он ведь такой умный. Так хорошо умеет всё объяснять. И это сможет объяснить... Вот никто и не говорит в слух... Ты же

понимаешь меня, Чарли?

– Ещё как понимаю. – ответил Хеддок. Только что он услышал такое, что не ожидал даже в страшном сне увидеть за эти 24 года. Что вот так за его спиной вся станция будет жить чуть ли ни своей собственной жизнью, зная чуть ли ни все подковёрные игры, придуманные им самим, и не выдавая этот секрет ему самому, потому что его должность предполагает прилежное и ответственное отношение к таким вещам как история, общественное знание и идеология. Вот такую могилу он себе вырыл за это время. Такую, в которую провалиться ничего не стоит – сделаешь, и не заметишь. А люди, оставшиеся сверху, тебе только скажут, что не могли тебя предупредить, потому что ты настолько хороший, что не заслуживаешь того, чтобы знать, какие страшные волчьи капканы, медвежьи ямы и людские могилы существуют повсюду. Мол, тебе надо психику беречь от таких вещей, а то некому тогда будет им сказки рассказывать.

– Ещё как понимаю. – повторил Хеддок. – Спасибо, что хоть ты мне это рассказала, Делейни... Что ещё происходит в этой тюрьме? Расскажи, чтоб я знал и сделал всё, чтоб туда не попал Пейтон.

– Да это настоящий ад! Вот, что там происходит... Те, кто становятся надзирателями, почему-то сразу меняются. Сразу становятся настоящими скотами. И ведь даже не понимают этого... Не понимаю, Чарли. Ведь двое из них так легко рассказывали, какие они сообразительные, что придумыва-

ли сложные схемы, чтобы обманывать других. Обманывать и издеваться. Особенно над теми, кто попал в Тоску за сокрытие найденных носителей информации. Как над ними издевались по одному, каждый раз придумывая новые поводы, чтобы остальные отказывались от кого-то одного...

– Как это? Что ты имеешь в виду?

– Например, они говорили, что один в чём-то провинился. Это могло быть надумано, но смысл был в том, чтобы поставить всех перед выбором: или этого кого-то заставят как-то унижаться или, например, все будут ночью спать без одежды... И ведь каждый раз, говорят, срабатывает. Все начинают бояться только за себя, а кто-то один унижается за всех остальных... Кто-то даже вычитал где-то, что это называется Стенфордская система. Что древние знали о таком феномене человека. Что человек будет пытаться издеваться над другим и делать это тем более изошрённо, чем меньше у него в реальности будет оснований для этого. Чем более это несправедливо, тем более это будет чудовищно... Вот, какие люди на самом деле. Вот, какие люди есть, Чарли... И никто не хотел при тебе это говорить, потому что ты учишь нас быть добрыми. Учишь нас думать о будущем, какое бы ни было настоящее. И как бы ни было наше настоящее «Я»... Пожалуйста, Чарли, делай вид, что ничего не знаешь этого. Делай вид, что я ничего не говорила. Продолжай вселять в нас уверенность, как ты это делал раньше...

– Разумеется, Делейни. Разумеется... Это будет нашим

маленьким секретом... Всё будет абсолютно как раньше. И с Пейтоном ничего не случится. Никакой Тоски, обещаю тебе... Скажи только, есть ещё какие-то вещи, которые также все скрывают от меня? Чтоб на всякий случай я знал, к чему быть готовым...

– Да что уж тут скрывать... Мы только догадки все строим и делимся ими шёпотом... Аккуратно так, чтоб никто не услышал... Что Совет Старейшин – это просто фиктивный орган из одних болтунов. Которые только и делают, что говорят, а ничего не решают... Это просто выглядит так. Как игрушка для взрослых. Что они выходят и объясняют что-то всем. А правда это или неправда никто не знает. И сами они не знают, просто объясняют, чтоб не было пусто в голове. И чтоб не подумали что-то не то. Вот и объясняют... А над ними кто-то другой есть. Может совет ещё один. Может человек какой-то хитрый. Который знает всё правду, но никому не говорит. И старейшинам не говорит, чтоб и они не знали и не выболтали всё... А то ведь у них и так хорошо получается говорить... Пейтон что угодно объяснить может. Это все знают... За это его многие и любят и спорить не хотят. Потому что красиво очень. Красиво и складно объясняет, так что верить хочется ему. Хоть и понимают все, что глупость или выдумка. А всё равно верить хочется. Понимаешь, Чарли? Хочется верить, что всё лучше, чем есть на самом деле. Так всем лучше живётся... Ведь самый главный страх-то он... До ужаса страшный...

– Самый главный? Какой это? Смерти люди боятся?

– Нет, Чарли... Все боятся, что мы потерялись... Ведь главный вопрос-то в том, где мы... И все нам объясняют, что мы на Земле. Где и были. Тут родились, выросли, а потом заснули в криокамерах, чтоб проснуться, когда Земля снова расцветёт... Да вот только столько всего не совпадает, что никто не верит уже, что это Земля... Даже среди своих. Даже те, кто шёпотом говорит, и те не верят, что это Земля. Сами себе уже не верят. Потому что не похоже.... Ничего не похоже на Землю совсем. Разве что Солнце той же величины, что должно быть. Что в фильмах. Что в расчётах разных... Это единственное, что сходится...

Хеддок слушал все эти откровения и понимал, что у него начинает прикипать где-то внутри. Вся та картина мира, которую он создал, поддерживал и оберегал всё это время, оказалась буквально колоссом на глиняных ногах. Причём о существовании в реальности глиняных, а не железных ног в реальности не знал лишь он да его служба безопасности, только и делающая что до бесконечности ищущая не сдавших очередную флешку в администрацию да сказавших что-то не впопад при всех граждан.

Так много о себе, своей системе, своём, в реальности, государстве Хеддок не узнавал ещё ни от кого. Делейни словно раскрыла для него тайны, которых он страшился всё это время. А страшиться надо было не того, что кто-то узнает, и даже не того, что кто-то будет думать не так, как ему надо.

А того, что все будут на одной стороне, а он со своими надзирателями и контролёрами на другой. И ведь именно так и получилось – существовало два мира. Его вымышленный поверхностный, по которому все делали вид, что живут. И настоящий внутренний, по которому все жили на самом деле. Разница было только в том, что до этого момента он не знал о существовании второго мира, а другие знали...

– Так ты думаешь, мы не на Земле, Делейни?

– Я уже не знаю, что думать... Нет нормальной версии. Из тех, что я слышала, так это та нормальная, что это не Солнечная система, а похожая на неё. И что мы из какой-то экспедиции, что поселилась здесь, ожидая, что в назначенный момент условия окажутся схожими с земными. И можно будет нормально жить. Но что-то не рассчитали, и мы проснулись раньше времени... Вроде бы тоже жизнеспособная теория, только вот не сходится то, что нет никаких записей об этом... То есть если б всё правда было так, то мы бы оставили себе записи, чтоб, когда проснулись, знали, что к чему. А записей нет... Никаких... Или старейшины их скрывают, но в такое верить никому не хочется... Не хочется думать, что люди настолько жестоки, что будут в подобных условиях ещё и что-то скрывать...

Хеддок смотрел на неё и чем дальше, тем больше думал о том, что уже готов придушить её, чтоб замолчала. Придушить, а потом проверить ещё, что она точно мертва. А потом пойти и придушить ещё кого-нибудь и ещё. И органи-

зовать виселицу, как делали когда-то, где-нибудь рядом со столовой или в лекционном зале, где он всем рассказывал про прошлое и будущее. И повесить там нескольких человек публично с обвинением в том, что они бессовестно нагнетают панику и уничтожают устои нашего общества, рассказывая всем о таких вещах, о которых и подумать-то нельзя. И пусть вот после этого кто-то подумает делиться друг с другом мыслями и идеями о том, что они находятся не на Земле, а всем управляет не Совет Старейшин. Пусть попробуют только, и мигом окажутся на виселице...

Слишком он хорошо к ним ко всем относился. Разрешал думать, что угодно. Разрешал даже смотреть старые фильмы, где нет ничего крамольного. Кого-то отпускал из Тоски. Делал поблажки для самих надзирателей. Берёг жизни... А они вот чем ему ответили. Коллективным притворством. Коллективным нежеланием верить в его красивую ложь... Ведь всё для них было сделано. Всё – для того чтобы сбереечь жизнь этого никому во всей Вселенной ненужного Богом забытого общества... И вот что он получил как результат. Тотальное притворство перед его искусной системой и форменное издевательство над ним самим, хоть и не умышленное в данном случае.

Ну ничего. Не просто так он держался здесь 24 года, чтобы так вот после одного разговора сдаться... И явно не спроста началась эта маниакальная цепочка самоубийц и садистов... Если что-то начинает рушиться, то рушится с разных сторон

и с треском. А единственное, что можно делать на месте старого, так это строить новое... Пора. Пора строить это что-то новое. Но для начала надо узнать всё, что он ещё не знает про своих граждан.

– Делейни, я тебя услышал... Спасибо тебе. Я обещаю, что всё, что ты сказала, не выйдет за пределы этой комнаты... Всё в порядке. Не волнуйся... Есть ещё что-то, что знают все, а я нет? – Хеддок улыбнулся, делая вид, что у него есть теперь грандиозное уважение к ней, и что ему можно полностью доверять.

– Даже не знаю... – Ей очевидно было уже давно тяжело говорить. И хотя врачи не диагностировали у неё сотрясение мозга, ей явно нужен был скорее покой, чем подобные разговоры, но Хеддок говорил настолько убедительно и смотрел на неё настолько искренними глазами, что невольно она начала вспоминать всё подряд:

– Ты как отец для нас... Нет ничего такого, что мы бы дружно скрывали от тебя. Просто мы не всем с тобой делимся. Вот и всё...

– Хорошо, а что такое, например, последнее, что есть на станции, хотелось бы мне сказать, но никто не говорит... Ну потому что боится расстроить...

– Да, это суицид... Разве что этим сейчас точно никто с тобой не поделится... Тебе такое знать ни к чему. Или, скорее, для той картины мира, которую ты нам преподаёшь, это будет совсем лишнее и не нужное... Никто тебе про это не

расскажет... И я не хочу рассказывать...

– Суицид, в смысле кто-то сам себя убил? Повесился или вскрыл вены? Ты же про это?

– Да-да, Чарли, я про это...

– Такое действительно бывает с людьми. Я прекрасно знаю о таких случаях... Это печально, но с этим ничего не поделать. Бывает, что люди накладывают на себя руки. Не выдерживают что-то. Расстраиваются. А потом уходят добровольно из жизни... Все вроде знают про такие случаи.

– Да, но я не про это... Я про ужасный суицид... Про тех, кто буквально сошёл с ума, убивая себя... И это началось не так давно... Месяцев семь или восемь назад...

Хеддок точно помнил, что первый кто начал кромсать себя на куски был ровно шесть месяцев назад. Первый случай вообще очень хорошо запоминался ещё и из-за фильма «Близнецы», который Тандер посмотрел, прежде чем воткнуть себе нож в горло. Периодически Хеддок даже думал над каким-то смыслом этом. Что кто-то может специально хочет показать ему, что смеётся над ним, раз фильм был комедийным. Но ничего пока это не подтверждало. Это было просто сумасшествия, которые происходило одно за другим без каких-то видимых закономерностей. Видимо, Делейни просто перепутала месяца. Она ж и точно-то сама не знает семь там или восемь... Хотя всё равно странно, что она знает об этом и ещё и в каких-то подробностях. Опять кто-то проболтался.

– Так, а что было такого ужасного в этом суициде?

– Обещай, Чарли. Обещай, что ничего не изменится. Что ты так и будешь сиять уверенностью и убеждать нас в светлом будущем. Нам это очень нужно... Иначе я ничего не скажу...

– Конечно. Конечно, обещаю... Я же дал тебе своё слово... Это всё наша с тобой тайна, которая не выйдет за пределы этой комнаты...

– Это был Патрик. Патрик Харпер. Он изрезал себе всю левую сторону тела ножом. Руки, ноги. А потом попытался вырезать себе сердце из груди. И почти даже успел сделать это, до того, как умер... Вот что было... Потом было ещё несколько случаев. Возможно... Ведь секция безопасности точно захотела бы такое скрыть. Скрыть ото всех. Чтобы не было паники. Или не знаю, чем они ещё могут обосновывать это. Но все случаи, когда нам не показывают тела в гробу, а просто хоронят их. Все такие случаи мы уже считаем за подобный суицид... И таких случаев было ещё три...

Хеддок думал, что он сейчас взорвётся от неожиданности. Удивления. Жажды мести. Ярости. Осознания собственной слабости. Всех просчётов. Всего, что только могло быть без его ведома... При этом внешне он сохранял полное спокойствие, которое внутри горело адским пламенем... Мало того, что они думают, что хотят. Втихую. Думают, что хотят и не дают ему об этом знать... Так они ещё и где-то знают больше него. Случаев, оказывается, не три, а четыре, и са-

мый первый ещё и скрыт так, что он даже не знал о его существовании.

– А что сделали с его телом? Что сделали с Патриком?

– Закопали, что же ещё... Закопали за холмом от станции... Я сама там была... Ночью мы организовались в группу, чтобы никто не видел. Одни смотрели по сторонам, другие несли тело, третьи копали. Ещё кто-то специально что-то делал, чтобы отвлекать на станции тех, кто не знал об этом... Ну, судя по тому, сколько времени прошло, никто и правда ничего не заметил... И, самое интересное, что исчезновение Патрика не сразу же и заметили... Это было очень удивительно. Мы все думали, что в его секции чуть ли ни в первый же день начнут рыскать по всей станции, допрашивать каждого, кто только с ним мог контактировать, перероют вообще всё вверх дном... Но ничего подобного. Им никто не интересовался недели две. Оказалось, что его руководителю вообще и всё равно, как тот работает, всё ли сделано и посещает ли вообще тот своё рабочее место. Выглядело так, будто о нём вспомнили случайно. Что, мол, вон там же кто-то что-то делал, где он теперь... И только потом начали искать. И все, кто знал, только и говорили, что видели его уже давно, недели две назад... У него не было друзей. Вообще никаких... Это тоже меня очень удивило. Как так, что на станции может быть кто-то, у кого нет друзей... Это явно какой-то признак каких-то проблем. А потом... Как ни странно, но я вспомнила Пейтона. Как он мне однажды сказал, что у него нет дру-

зей. И не может быть, потому что его должность старейшины предполагает настолько объективное отношение ко всем гражданам, что для дружбы просто не остаётся места... Изначально я думала, что это просто его обычная политическая болтовня, чтобы держать меня на расстоянии от себя. Но, когда я узнала, что у Патрика не было друзей, то подумала, что Пейтону это в разы проще. У него хоть оправдание для этого есть... В отличие от Патрика.

Делейни ухватила за голову и чуть повалилась на бок. Хеддок поймал её и аккуратно положил на койку – явно заболела голова столько говорить. Да чего говорить. Столько информации за раз о жизни своего же собственно созданного государства Хеддоку ещё не приходилось слышать. И сейчас, как ни странно, больше всего ему хотелось сделать так, чтобы больше никогда и не пришлось слышать подобное... Пришло время заняться управление как следует, а не так, чтобы у него под носом можно было организовывать собственную неконтролируемую жизнь, работу, даже похороны на свежем воздухе – поверить только, целая группа разгуливала за пределами станции, да ещё с трупом, да ещё так, что никто не видел!

– Всё хорошо, Делейни, всё хорошо... Тебе надо немного отдохнуть... Будь спокойна, всё, что ты мне сказала, останется только между нами...

Натали

В кои да веки Натали была удовлетворена. Секс с Морганом оказался великолепным. Поначалу даже непонятно было, откуда он так хорошо разбирается в том, куда ей надо нажать, где её надо погладить, где поцеловать, но делал он это просто потрясающе... И ещё ей казалось, что ему самому, в общем-то, не так уж это и надо.

Это было очень странно. Никогда такого у неё не было, чтобы кто-то так хорошо и приятно её трахал, а сам при этом, похоже, думал о чём-то своём. Уж тут должно быть одно из двух. Либо он делает это, как следует, и сам при этом полноценно с ней. Либо у него ничего не получается, и всё от того, что он где-то в своих мыслях. Это можно было представить. Но так, как у них это получилось, нормально не укладывалось в голове.

С другой стороны, Натали сейчас было всё равно, о чём так мог думать Морган. Он и так полвечера рассказывал ей то про тайны Аполло-24, то про конспирологические теории о Земле как таковой. В конце концов, а что делать с этой информацией? Вот он весь из себя такой практик, а что практичного даже в том, чтобы получить ответы на свои вопросы. Вот даже если представить, что завтра он узнает всё, что хотел. А дальше? А дальше ничего не изменится, и он сам прекрасно это понимает, потому что живёт в том же мире.

Это мир серый, тяжёлый, негостеприимный. И таким он и останется. На улицу не то что нельзя выйти без скафандра, там в принципе температура полмесяца минус 170 градусов Цельсия, а полмесяца плюс 150 градусов. Не говоря про отсутствие кислорода. И если вот у него есть, что с этим делать, то другой разговор. Но вряд ли это как-то может быть связано с тем, насколько эта планета является Землёй.

Земля это или нет, а гелий-3 в реголите есть. И этого реголита полно. И ядерный реактор у нас рабочий, что говорит о том, что и задумка с термоядерным – вполне реальна... Даже странно, что у девушки об этом мыслей больше, чем у здорового мужчины... Может, потому именно она и открыла гелий-3, пока Морган изучал ландшафт перед своим окном и сравнивал его с Атлантическим океаном.

Как бы то ни было, но в этот день она была удовлетворена. И вполне возможно, что с Морганом может пойти что-то дальше, и она будет удовлетворённой на постоянной основе. Хотя эти его мысли и вообще подход ко всему окружающему несколько настораживали. Он казался не просто погружённым в какие-то научные процессы, как многие его уровня интеллекта. Создавалось впечатление, что он строит в своей голове эти процессы на каком-то другом уровне, уровне выше сознания других. Это и заинтересовывало, и пугало одновременно.

И это удивление усилилось, когда она не увидела его на рабочем месте. Он обычно был там ещё до неё, и к её появле-

нию сообщал что-то новое и интересное, что могло бы подтолкнуть их в открытии чего-то нового в работе термоядерного реактора... Уж не говоря про то, что он совсем недавно заявлял, что работает там целыми днями...

Натали осмотрела лабораторию: пара столов, несколько шкафов, сейф, стопка журналов, компьютер с двумя мониторами и изображение в рамке грузового оверкара с прицепом, термоядерным двигателем в кузове, который они так масштабно проектировали. Ей тут же вспомнилась группа, располагавшаяся в другом крыле здания, занимающаяся разработкой как раз этого оверкара. От них требовалось сделать двигатель, который может одновременно работать и на солнечных батареях со встроенным аккумулятором и на термоядерном реакторе. В прицепе также планировались силовые установки разного рода: в виде крана, землеройная и прочее.

Можно было бы, конечно, подумать, что Морган там, но, разумеется, это не так. Не в его это духе работать над чужими проектами, когда свой готов не до конца. Более того, до чего-то рабочего в концепции термоядерного синтеза было им ещё очень далеко, может быть, даже не один год.

Ей тут же привиделась картина того, что могло бы быть через этот «не один год». За это время их отношения могли бы перейти совсем на другой уровень. Когда она смогла бы не просто иногда получать от него чего-то, а быть полноценно рядом с ним. Когда она могла бы не выпрашивать, по сути, его время, а требовать его. Это как-то и поспокойнее. Всё

же, если отношения проходят определённые этапы, то наступает некоторое чувство ответственности друг за друга, наступает этап, когда даже время становится по большей части общим, а не частным. А она прекрасно понимала, что в этом случае общее время по большей части будет её временем, а не его. Возможно, именно поэтому мужчины часто так и стремятся или дольше держать дистанцию или вообще её не сокращать... Но ключевое в этом плане слово «стремятся», потому что если отношения продолжаются, то женщина в итоге всё равно получит своё. Другое дело, что не всегда её это может устроить...

– Размечалась я что-то. – вслух сказала Натали. И правда, столько происходит кругом. И нового, и ужасного, и непонятного, а её больше всего волнует, определённая доля удовлетворённости в собственном теле. В конце концов, а как можно без этого? До чего её знакомые доходили, когда им не доставало этого? До истерик и нервных срывов? Чем они занимались, когда им не хватало мужчины? Как-то одна казалась даже на неё саму глаз положила, мол, мужики совсем выродились, а жить как-то дальше надо. Надо да, только Натали при этом считала, что надо быть лучше самой.

И она делала всё для этого. Это сейчас на неё мужики смотрят как на конфетку и текут слюнями, когда она проходит мимо. А ведь такая фигура стоит не только какой-то генетики, но и времени, и усилий. Надо качать руки, ноги, пресс, попу. Следить за питанием, а не просто хватать то, что

прописали в столовой по талонам. Не говоря про то, что эти талоны для всех одинаковые. Неужели они сами не понимают, что одинаково не может подходить для всех одновременно. Уж как минимум все не одинакового возраста и роста. Уж хотя бы с этим никто спорить не будет. Так ведь нет – рацион у всех одинаковый. А потом они удивляются, почему кто-то в форме, а кто-то нет.

Натали решила сходить в столовую, пока всё равно не те мысли, чтобы что-то проектировать. А там, может, кто-то и мыслей подкинет.

Первым, кто её заметил, был, как всегда, Тейлор. Походило на то, что у него где-то встроен локатор, которые срабатывает непременно на неё. Объяснить это совпадением, или, может быть, тем, что он проводит там больше времени, чем положено, вряд ли было бы к месту. Тем более, что его секция добычи вообще больше всех рвалась за результатами, ведь только там могли не только поощрять, но ещё и штрафовать за недостаточную выработку нормы. Удивительно только – и самая для всех неуютная и тяжёлая в физическом плане работа, и самая низко оплачиваемая. И как только люди ухищрялись начать заниматься ей, а потом ещё и не вылезать оттуда, словно их там удерживали страхом смерти... Поначалу казалось так, а потом как-то Тейлор же и поведал ей, что это настоящая мужская работа, а всё остальное – лишь сопли и слюни, которые текут лишь у женщин и детей. Потом

он увидел на её лице некоторое неприятие такой позиции и добавил, что хотел сказать «слёзы» вместо «сопли».

– Натали, как дела? – Тейлор давно не делал вид, что подсаживается к ней случайно. Видимо, с определённого момента, он стал считать, что перешёл на другой уровень общения. Удивительно даже, как разные люди по-разному воспринимают изменение уровня чего бы то ни было.

– Отлично. – увидев его, Натали не только вспомнила, но и по-настоящему прочувствовала, что она и правда удовлетворена, по крайней мере, сегодня, и это стало хорошо по ней видно. Такие вещи всегда обезоруживают – когда видно что-то очень хорошо и при этом не специально. Тейлор, очевидно, собирался сейчас заходить к своим новостям издалека, как обычно, делая вид, что может и не рассказать, но, увидев изменение в лице Натали, решил, что не стань он рассказывать, и это её и не обидит, и не удивит, и не расстроит – просто ничего. Ведь она и так чувствует себя супер, так чего ж ей ещё надо. Потому он решил не затягивать свои интриги:

– Я посмотрел четыре фильма...

– Понравились?

– Нет, Натали, правда... – ему начало казаться, что то, что он говорит, не интересно никому. – Один из них похоже раскрывает тайну... Тайну того, где мы находимся.

– Да что ты говоришь...

– Армагеддон. Это фильм Армагеддон... Там Брюс Уиллис в главной роли. Ну тот, что Крепкий орешек. Помнишь?

Или тебе не интересно?

– Рассказывай, конечно. Я ж тебя слушаю.

– Там астероид грозит упасть на Землю. И уничтожить всё... А они запускают на этот астероид шаттлы, чтобы пробуричь там скважину, заложить ядерный заряд, и взорвать его... Это первое, что удивительно. Понимаешь «ядерный» заряд. Как наша электростанция. Она ведь тоже ядерная. Выходит, она тоже может сильно взорваться... Понимаешь, мы на пороховой бочке живём оказывается... Но не это самое главное... Понимаешь... – Тейлор стал говорить шёпотом и чуть пригнувшись, будто это могло чем-то помочь. – Понимаешь... Они, когда полетели от Земли, то должны были пролететь мимо спутника Земли. Мимо Луны... И на тех картинках эта Луна очень похожа на ту планету, где мы живём сейчас. Вся серая, с кратерами везде и без растительности, как на Земле... Понимаешь, Натали... Мы на Луне...

– Да все знают, что мы живём не на Земле на самом деле... Тут уже этих версий разного рода. Кто откуда прилетел, зачем прилетел, почему не возвращается... Вот, правда, сколько людей, столько и мнений. А знаешь, почему сколько людей, столько и мнений по данному вопросу?

– Нет. Почему?

– Да потому что ни одно мнение ничего не решает! Кто бы что ни решил, а ничего не изменится. Абсолютно ничего. Мы как были здесь, так и будем здесь. И какой бы ответ мы ни выбрали, даже если он окажется, самым что ни на

есть правильным, то ничего не изменится... Скажи мне, почему мужики этого не понимают? От женщин я вот такого не слышала. – сказав это, Натали подумала, что последние пару недель давно не общалась со своими подругами Сиеррой и Делейни. Они недолюбливали друг друга, но вот Натали находила с ними обеими общий язык, плюс ко всему они были среди руководящего состава станции, и никому из них не приходилось напрягаться, что чьё-то положение может быть более выгодным, а это очень прочная основа для дружеских отношений.

– А тебе разве всё равно? – недоумевал Тейлор. – Тебе разве всё равно, где мы?! Вот я готов в тюрьму сесть за правду, а тебе просто всё равно?!

Парень резко поднялся из-за стола, грозно взглянул на неё, а потом взял свой поднос и ушёл в другой конец столовой. Было даже оригинально смотреть, как такие вещи могут выдавать недотраханность организма – в конце концов его тоже можно понять, а что ещё делать, если не дают. Только что и остаётся, что искать ключи к тайнам, которые ничего не решают, видимо, за тем, чтобы потом начать искать новые тайны с такими же ключами.

Вместе с тем показалась Сиерра. Как это интересно, наблюдать человека, когда только что о нём подумал. Вроде и сразу хочется что-то сказать, но совсем не то, что только что думал.

– Я только что как раз о тебе думала... – начала Натали, и

увидела, что Сиерра очень напряжена. – Что-то случилось?

– Не знаю... Не знаю, чёрт всех дери, но что-то. Вот именно «что-то» и случилось... – Сиерра сказала это уже только присев за стол и тоже, как и Тейлор, так, чтобы этого нельзя было услышать из-за соседних столиков.

– Что-то не так с Чарли? – конечно, после такой ночи с Морганом, все мысли только что и могли быть об отношениях мужчины и женщины.

– Похоже, что так... Мне нужен совет, Натали... Что ты думаешь... – Сиерра вздохнула, посмотрела в стол, а потом продолжила. – Он сам не свой последнее время... В какие-то моменты у него будто занавес закрывается, он думает о чём-то своём, а потом через минуту вдруг очнётся и начинает спрашивать, что я сказала... Раньше такого не было. Он был очень собранный, сосредоточенный... Понимаешь, даже когда меня трахал, он всё равно всё контролировал... А тут... Тут он мне сказал, что надо готовиться к изменениям. Всем надо готовиться к изменениям, которые будут со дня на день. У нас у всех... Я не поняла, к чему он мог такое говорить?

– Может, он узнал, что никто не хочет ему рассказывать, что не верит в эти теории человечества и прочее? И просто стал волноваться, что старейшины захотят что-то поменять?

– А ты думаешь, он не знал, что ему не верят? Вот в жизни не поверю... Он такой умный. Как он может этого не заметить... Он точно притворяется, что не замечает. А сам понимает... – Сиерра говорил всё это, даже не пытаясь скрыть,

что сама не уверена, что это так.

– Ну хорошо... А что ещё тогда? – Натали вспомнила тот ужасный суицид, что видела вчера, когда вызывали Моргана. И ещё вспомнила, что это далеко не первый случай. И хотя про самый первый случай она мало что знала, и, честно говоря, не хотела знать, всё же подобное могло удивить её, а вот главу секции Просвещения, если он был не в курсе, могло по-настоящему шокировать, ведь это он ответственен за то, что люди думают, и как они думают. За то, что они будут думать завтра, какое у них настроение, и, главное, за то, чтобы это настроение и думы вселяли им уверенность в завтрашний день. Суицид – худшее, что можно было представить как провал этой политики.

– Я не знаю, Натали... Затем я и пришла тебя спросить... Что ещё могло так расстроить его?

Натали уже собиралась сказать про суицид на станции вообще и про то, что видела вчера в частности, но заметила, как вдалеке к тому столику, где теперь сидел Тейлор начали приближаться трое мужчин. Она не знала, как их зовут, но точно помнила, что двоих из них вчера видела в комнате вместе с заместителем шефа безопасности Таннетом. А это значило только то, что Тейлор со своим Старкрафтом и Армагеддоном похоже всё-таки доигрался до Тоски.

Странно ещё было, что его задерживают буквально при всех. Все случаи до этого, по крайней мере, про которые она слышала и видела сама, были совершенно другого рода – по-

дозреваемого вызывали в администрацию, а там брали под белы ручки и уводили в Тоску. После этого сообщали его начальству, что такой-то гражданин арестован и осуждён на пребывание в тюрьме на такой-то предварительный срок. Срок, кстати, некоторым увеличивали, и были и те, кто изначально был отправлен вроде как на исправительные работы, а в итоге так и не возвращался.

Трое обступили его с разных сторон, и Тейлор встал. Видимо, ему приказали заложить руки за голову, затем выйти из-за стола и потом встать на колени. Окружающие мгновенно замолчали, и несмотря на достаточно большое расстояние до Натали стали доноситься отдельные слова «Тейлор», «секция добычи», «носитель», «фелония»... Ей было одновременно и очень интересно, что они говорили, и омерзительно. Ведь он вёл себя, по сути, как ребёнок. Да, не сдал он эту флешку, как предписывалось, да, даже рассказывал другим, в частности, Натали, что нашёл на ней. Но в реальности, какую угрозу он мог представлять? Вообще какую угрозу всё это могло представлять для станции, для старейшин, для всех нынешних правил, какие только есть на Аполло-24.

В один момент ей стало казаться всё это каким-то абсурдом. Уже какого человека сейчас заберут и поселят в дали ото всех, может быть, навсегда. И он там будет проводить время в одиночестве до конца своих дней. Всего лишь из-за того, что не совладал со своим человеческим интересом, можно сказать мальчишеским интересом... Фелония? Да ка-

кая фелония может быть, если у него не было никакого злого умысла в отношении других: желание знать побольше да выпендриться перед девчонкой. Вот и всё, что у него было на уме. И за это следует так ломать ему жизнь? Начинало казаться, что они сами для себя не пойми зачем организовали какое-то очень неправильное общество, где сохранение статус-кво знаний о прошлом стало самоцелью. И ведь теперь, никому это не докажешь. Не докажешь, что это неправильно.

Натали смотрела на остальных, на их лица, глаза, выражения лиц и глаз. Смотрела на то, как они смотрят на Тейлора, и видел радость. Это поражало. Она видела некую радость в их глазах. Оказалось, что людям нравится, когда кого-то ловят, задерживают, заставляют вставать на колени с руками на затылке, да ещё и прямо при всех. И оказалось, что людям такое нравится.

Она видела эту жуткую картину, пытаясь понять, что такое может быть, что людям стало нравится такое. Неужели они не понимали, к чему это идёт? Неужели они не понимали, что тоже самое ждёт и их? Или они верили в то, что с ними такое не случится и не может случиться?

Натали уже хотела было встать, чтобы направиться туда и спросить, что происходит? Почему это происходит при всех? Почему он стоит на коленях, и что это вообще за издевательство над человеком, пусть даже он в чём-то виноват. Ведь мы все люди, у нас есть свои слабости, сильные стороны, преимущества и недостатки. И если кто-то и оступился, то это

не значит, что теперь его надо унижать при всех... Но в тот момент, когда она уже поднималась, один из пришедших за Тейлором, ударил его со всего размаха дубинкой прямо по голове.

От удара Тейлор упал на пол, и по полу потекла алая кровь. Двое других из службы безопасности быстро подняли его, а затем снова последовал удар дубинкой уже не по голове, а прям в лицо, от чего тот осел и повис на руках державших его охранников.

– Фелония! – громко сказал человек с дубинкой и повернулся в сторону обеденного зала. – За фелонию следует наказание. Неизбежно за фелонию следует наказание.

Окружающие хоть и были удивлены, но их лица не меняли радостный характер выражения. Теперь они были ещё и больше удивлены, но и не менее радостны, чем раньше. Похоже им понравилось, что наказание стало не только суровым, но и жестоким. Похоже люди были довольны тем, к чему идёт их жизнь в рамках новых формирующихся правил.

– Похоже, эти правила, про которые говорил Чарли, уже наступили. – тихо сказала Натали Сиерре и двинулась к выходу.

Снова эта лаборатория, где не было Моргана. Натали смотрела на всё то, что видела час назад, и всё также думала, что не хватает всего лишь одного человека. Именно его. Того, кто так ласкал и гладил её везде, где она только могла

мечтать. Ей до сих пор представлялось, как он водит своими руками по ней, а она только что и вздыхает от счастья, как будто при каждом прикосновении из неё спускают пар. Тот самый пар, что уже застоялся в её лёгких, сердце и ещё много где. И вчера он так великолепно был спущенным им, Морганом.

Которого сейчас не было на месте... Натали начала нервничать. Особенно после той картины, что она только-только увидела в столовой... Бить человека по голове, по лицу. Так жестоко и цинично... Ей уже стало казаться, что удовольствие получали не только те, кто смотрел, но и те, кто делал это... И с этими людьми она жила на одной станции. На той самой станции, что является для них для всех их общим единым домом...

– рассказ про споры по сне – трелло

Натали села за чертежи и решила, что, пока его нет, по крайней мере, можно провести время и с пользой, ещё и ускорив его. Так ждать будет куда проще... Конструкция получалась одновременно и очень простой и сложный. Разве что надо было как следует разобраться с ядерными отходами – ничего сложного в том, чтобы их отвезить подальше, важнее то, чтобы отделять их вовремя. Так и конструкция надёжнее, и безопаснее для тех, кто её использует.

Думалось, конечно, очень плохо. В голову лезли мысли и про самоубийства, и про исчезновение Моргана, и про предостережения Сиерры. В конце концов, если Чарли что-

то сказал ей, то это не с проста. Изменения действительно должны были быть радикальными, и случай с Тейлором в столовой лишь подтверждал это... Рассуждая об это Натали принялась рисовать, что приходило в голову: флешку, обнимающиеся пары, смотрящие на небо окна в столовой... А что если те люди, что убивали себя сами, тоже доходили до этого, как она...

Вот так сидели одни в комнате, что-то делали с чертежами, а потом начинали вытворять с собой эти ужасы, да ещё с таким упорством и тщательностью... Сначала выверяли чертежи, а потом стали выверять порезы на себе... Тоже заостря своё внимание лишь на точности исполнения, а не на разумности самих действий... Эти мысли несколько потревожили Натали и, отдёрнув руку с карандашом от листа бумаги, она, уже страшась, уставилась на него...

На половину листа был нарисован здоровенный в возбуждённом состоянии мужской член... Натали усмехнулась. Да, ночь и правда была прекрасной. И, главное, как быстро всё лечится, оказывается... Сколько мыслей разного рода. А получится, а нет. А что может быть ещё. А кому и что надо. А как быть, если где-то пошло не так. А можно ли исправить. А можно ли добавить, если будет мало... Все бесполезные вопросы, когда, наконец, находишь того, кто не заморачивается этими вопросами, а просто делает. До чего бывает чудесен ответ. Один единственный правильный ответ, который применён там, где надо... И этот ответ был Морган, ждать

которого было невозможно.

Натали буквально сорвалась с места, даже не убрав свои зарисовки со стола, и направилась к выходу из лаборатории – уж где-то Морган должен быть и нет оснований медлить с его поисками.

Старейшина

Дышать было тяжело. Пейтон не помнил, когда последний раз было настолько тяжело вдыхать в себя воздух, а потом проводить этот воздух через свои лёгкие. Ему казалось, что каждый раз даётся настолько тяжело, что не будет сил даже этот воздух извергнуть обратно. Но каждый раз они находились, и единственное, что нарастало в нём постоянно, так это сомнения и тревоги по поводу этого.

Нет, всё же был один такой раз, когда дышалось настолько же тяжело. Пейтон вспомнил этот момент. Как-то он трахал Делейни сзади, когда она стояла на коленях и упиралась в него попой. Ему так понравился этот вид сзади и сверху на неё. Её волосы немного растрёпано лежали на спине, а узкая талия резко переходила в округлости бёдер и попы. Это очень возбуждало, и особенно возбуждало, как она покрикивала тогда почти от каждого его толчка в неё. Тогда ему казалось, что он взорвётся и опустошит всё, что в нём есть, прямо в неё... Но этого не выходило. Он двигался всё больше и чаще, всё сильнее и активнее, и всё сильнее и активнее ощущал своё возбуждение. Оно становилось всё больше и больше с каждым разом, а он понимал, что больше уже не может. Что дыхание его перехватывает, как будто кто-то накиннул ему петлю на шею и начинает давить. И вместе с тем тогда начинало колоть у него сзади под лопаткой. Всё стано-

вилось настолько тяжёлым, что он остановился.

Тогда он остановился и не кончил. Просто вытащил свой член из неё и свалился рядом на кровать в активной одышке. Делейни стала спрашивать, всё ли с ним в порядке, может, он хочет как-то по-другому после того, как переведёт дух. Но он тогда хотел только одного – отдышаться. Отдышаться и прийти в себя, вспоминая как красиво и сексуально выглядела она в такой позе.

И в тот момент он стал себя жалеть. Теперь он вспоминал это очень хорошо. Потому что сейчас он тоже себя жалел. Себя и свою беспомощность перед этим. Как так получилось, что он не смог. Что он получал всё, что хотел, но у него не получилось кончить тогда, когда он того хотел... Старость... Ему не хотелось думать об этом слове. Нет никакой старости, когда рядом с тобой такая молодая и красивая девушка, которая тебя хочет, ласкает и любит. Которая кончает по несколько раз, кричит в наслаждении и приходит всё снова и снова. Не может быть никакой старости, когда это повторяется изо дня в день... Не может быть... Но было. Всё же это было на самом деле. И тогда он не смог, потому что задыхался, и теперь он лежал на больничной койке, потому что задыхался снова. Если не хуже...

За это вчера получила Делейни. За то, что он не мог кончить. Не мог выплеснуть своё семя в неё уж хоть как-то. И пришлось сделать это самому. Сделать самому то, что обычно делала она. Потому он сделал это так, как не могло хотеть-

ся ей. Но как должно было хотеться ему... Насилием. Ведь только насилие могло сделать его сильнее в те моменты, когда не хватало воздуха. Когда не хватало правильной работы организма, способного привести его в состояние оргазма. Именно тогда на помощь ему пришло насилие, которое работает совсем не так, как это делают женщины.

И сейчас Пейтон понимал это лучше, чем факт того, что он лежит на больничной койке после инфаркта... Ах, да-да. Инфаркт. Это уже не признак – это следствие старости. Хоть он и «микро» как сказал врач... Но такое уж «микро», когда просто так не можешь даже лежать спокойно. А уж если начнёшь двигаться... То никакого «микро» тут нет и в помине. Тут полная задница. Вот, как он это называл. Полная задница...

Ему часто приходилось острить насчёт выражений, и это выражение лишь напоминало ему о том, что весь мир повернулся к тебе задницей. А «полной» означает, что это касается всех сфер жизни. Всех его сфер жизни... Какой из него старейшина, если он не может даже встать с кровати без посторонней помощи, не говоря про то, что это же он, Пейтон Кросс, тот самый старейшина, что держался самым крепким бойким и боевым старейшиной среди всех. Это именно он мог объяснить всё, что угодно. Именно он мог острить, угрожать и скалиться на оппонентов, а они должны были отступать. Перед ним. Перед старейшиной Пейтоном Кроссом, самым яростным среди всех старейшин...

Самым яростным и неспособным подняться с кровати. Полная задница – вот, что это такое. И другого слова тут не подобрать. Его съедят. Свои же друзья старейшины съедят просто за то, что он не сможет ответить. Ох, как же хорошо он их знал. Шакалы, трусливые шакалы, которые всегда отступали перед его умом и виртуозными речами. И никто ему не поможет. Ему не дадут даже очухаться. Даже перевести дух в новых реалиях – уж не то, чтобы дать время на восстановление... И будет он тихо и молча сидеть где-нибудь на отшибе станции, в своих новых апартаментах из одной комнаты, в лучшем случае, и писать мемуары... Да, теперь время для мемуаров. Потом можно будет оставить их после себя... Но это в том случае, если ему дадут хотя бы одну свою комнату...

Кстати, вот за это стоит теперь серьёзно побороться. Уж хотя бы одну, но отдельную комнату ему должны дать. Он не будет сидеть с остальными в одно и делить углы, как те, что работают в секции добычи или продовольствия. По-хорошему, ему бы надо оставить его шикарные апартаменты, но понятно уж и без слов, что такое ему не оставят. Такое другие старейшины приберут себе, уж сомневаться не приходится... А вот отдельную комнату можно себе выторговать, если сразу начать это делать. Они ж не знают, сколько у него ещё сил. Много-мало. Может, у него и столько, чтоб продолжать бодаться день ото дня. Никто ж это не знает... Оставить себе квартиру из одной комнаты и заняться мемуарами... Да и

про Делейни придётся забыть...

Сил-то на неё уже нет. Не говоря про то, захочет ли она спать с обычным человеком... Над последними мыслями Пейтон всерьёз задумался. А правда, всё это время она спала с ним, потому что он сам ей так нравился. Пусть даже не телом, а чем-то другим. Своими способностями убеждать или объяснять может быть. Но всё же способностями, а не должностью, которая выгораживала её, если потребуется, и вообще решала все её вопросы. Если так, то это может иметь продолжение. Ведь стонала она очень даже по-настоящему. И приходила всегда сразу, как только вызывал к себе. Всегда в расположении духа и довольная. Можно ли было притворяться всё это время?

Пейтон молча смотрел в стену, затем на дверь палаты, в которой находится. Он смотрел на разные предметы, и в голову ему приходил один и тот же ответ – только притворяться и можно, если это всё время. Будь она искренней, то хоть как-то могла бы и прикрикнуть на него, сказать, что ей что-то не нравится, сделать замечание за что-то, что идёт не так, как ей надо. В конце концов, она же женщина. Как может получиться так, что она всегда только в хорошем настроении? Это может получиться только в том случае, если это искусственно. По-другому никак.

Можно, конечно, ещё предположить, что кто-то психически больной и всегда хихикает без остановки. Пейтон вспомнил, что у них был один такой, из секции Просвещения, ко-

торый сначала смеялся периодически, когда что-то рассказывал, потому стал смеяться не впопад в течение всей своей речи, потом стал смеяться и без рассказывания чего-то, а потом такое стало повторяться с непонятной регулярностью, причём уже не в виде лёгких «хи-хи», а раскатистым демоническим ржачем. Его достаточно быстро отдали врачам, которые заключили, что он не в состоянии адекватно воспринимать свои собственные действия и не может их контролировать. Кто-то ещё стал говорить, что его дёргают за верёвочки как марионетку, из-за чего это психическое расстройство и назвали марионеточной болезнью.

Вот разве что ещё люди с марионеточной болезнью могут постоянно быть в приподнятом настроении. И это выглядит очень странно. А то, что делала Делейни выглядело более чем естественно. Отсюда вывод только один – всё это искусственно. И нечего уж врать самому себе, что она так радостно могла трахаться со стариком, который в итоге дал ей пощёчину, а затем и стаканом по голове со всего размаха.

Пейтон момент вспомнил, как это было. Как он получал удовольствие от всего этого, как он хотел кончить и хватался за все соломинки, лишь бы продлить это ощущение... Он вспомнил, как нечто проникало в левую сторону его головы, как там начало немного неметь, как он стал всё видеть через какую-то очень странную призму. Словно наблюдал всё в какой экран, а не своими собственными глазами. Ведь ему нельзя было бить Делейни... Все эти рассуждения привели

его к такому уmozаключению...

Как это нельзя? Как это нельзя было бить Делейни? Она же хотела этого. Она хотела, чтобы её ударили сначала по щеке, а потом сильнее. Да, может, она не хотела, чтобы удар был рукой, а не ногой, например. Это может быть. Может, она не хотела, чтобы второй удар был стаканом, а не чем-то ещё. И это может быть. Но она точно хотела всего этого. И единственное, что может быть у неё теперь в виде вопросов, так это почему он избрал именно такие способы. Других вопросов нет и быть не может. Это же ясно и ей и ему. Она точно хотела всего этого!

Пейтон начал немного злиться. Почему ему сейчас надо это доказывать? Почему ему надо искать какие-то обоснования тем действиям, которые были очевидны на тот момент? То, что было очевидно тогда, то очевидно и сейчас. Они не может требовать доказательств. Это просто данность. Можно у самой Делейни об этом спросить, и она только и подтвердит это... Впрочем, да, она может пожаловаться.

Она всё ещё может пожаловаться на недоделанность. Он ведь не задушил её, как это надо было сделать. Она ведь и этого хотела. Она хотела, чтобы он замкнул свои руки на её шею и держал их, пока она не перестанет дышать. Она так этого хотела, а он не смог сделать, потому что случился этот инфаркт... Тогда бы всё было завершённым. Сделанным. Полноценным... Но этого не получилось, и за это Делейни вправе требовать с него ответа. Почему он не смог

сделать то, что был должен, вопреки даже своему состоянию. И он готов за это ответить. Пейтон твёрдо уверился в том, что справедливо будет за это ответить. Признать свою ошибку. Признать, может быть, даже публично. Впервые он, Пейтон, публично признает свою ошибку. Что не смог задушить её по причине своего самочувствия, но он всё же готов. Готов даже рискнуть сейчас своей жизнью и всё же выполнить необходимое. И ей даже не надо просить об этом. Даже не надо намекать на необходимость этого. Он готов сделать всё сам: признаться в своей неправоте, совершённой ошибке и исправить её. Он готов без разговоров, без лишних упрёков и колебаний задушить её при первой же встрече. Так он смотрит с себя этот позор...

Дверь в комнату открылась и внутрь аккуратно зашёл Хеддок. Вот уж кого не ожидалось тут увидеть. У него должно быть полно своих дел... Хотя тоже можно понять. Он пришёл проведать старого друга, чтобы вонзить нож ему поглубже, лишит всех полномочий из-за недееспособности и назначит другого, видимо, кого он уже присмотрел себе в помощники.

– Не даёте мне скучать, господин куратор. – старейшины именно так на закрытых заседаниях называли теневого главу станции, «куратор». Официально он ведь и именовался куратором секции Просвещения. Потому они просто убрали всё лишнее, оставив слово «куратор» как бы намекая на то, что он курируют их самих.

– Да, Пейтон... Мы не представляете, как Вы требуетесь мне в здоровом состоянии.

Пейтон поначалу не услышал эти слова. Он хотел услышать что-то вроде «прошло твоё время» или «закат приходит ко всем», но сказанное не было похоже на это, потому он вообще ничего не понял:

– Что-что?

– Пейтон, перестаньте... Я знаю, у Вас не всё отлично, но всё же это микро-инфракт, а не просто инфаркт. Очень скоро Вы будете на ногах.

Неужели все полагают, что ничего не изменилось. Что он получил такую травму, что он не сделал при этом то, что должен был. Неужели этого никто не заметил? Его ошибку никто не заметил?

– Все ошибаются, господин куратор. Абсолютно все... Но не все признают свои ошибки. А я из тех, кто исправляет их. Исправляет ошибки и двигается дальше. Вперёд. К целям.

– Я понимаю, Пейтон. Согласен... Мы может поговорить о деле?

– О деле? Да я и говорю о деле, чёрт подери! Вы что, не видите, что это самое важное дело, что было в моей жизни? Я признаю и исправляю ошибки, как никто! Как никто, слышите?!

– Пейтон, всё в порядке. Мы уже всё уладили. Мне нужны Ваши способности в грядущих изменениях.

Они всё уладили. Пейтон слышал это и не верил своим

ушам. Как это можно было уладить без него. Неужели они за него покончили с жизнью Делейни. Но как теперь это исправить? Её ведь нельзя убить второй раз? Это должен был сделать он и никто другой. А теперь-то как? Теперь как исправить ошибку, когда она уже исправлена другим? Это специально. Не было сомнений, что это специально. Кто-то копает под него яму. Может быть, даже весь Совет это делает. Весь Совет хочет отстранить его от дел совсем, чтобы он не смог ничем ответить. Вот, что они сделали.

Но он не из простых. Всё не выйдет так просто у них, как они того хотели. Он многое прошёл. Много готовился, и ко многому готов. Пусть они оставили эту ошибку при нём навечно, но он найдёт управу на всех. Он сделает так, что они сами поубивают друг друга. Они сами будут убивать друг друга, и никто не сможет из них исправить свои ошибки. Лишь они убивали неправильно. Лишь бы они делали это друг за друга, а не за себя... Какие они идиоты, что открыли ему такой ловкий ход. Такой ход, который делает его вершителем их судеб, потому что он отберёт судьбу у каждого по отдельности, и сделает её своей собственностью. До чего всё-таки гениальный план так мастерски играть на своих неудачах. Только избранный на это способен.

– Значит, Вы уладили это?

– Да-да, Пейтон... Делейни ничего никому не расскажет.

Будьте уверены в этом...

– Я бы всё-таки тогда знать от Вас лично. Почему Вы не

дали возможность мне самому придушить её? Я хочу услышать это от Вас, господин куратор.

– Придушить? Нет, Пейтон, никто её не душил. Сейчас она в Тоске и будет находиться там до особого распоряжения.

Это было уже интересно. Не так обидно, как предполагалось, но интереснее. Так они специально будут страшить его, не давая возможности выполнить предначертанное. Не давай даже шанса исправить то, что сделано, но показывая, что это возможно. Это даже умнее, много умнее, чем можно было предполагать. И, учитывая как Хеддок об этом рассказывает, очевидно, он и затеял всё эту игру. Он сам хочет всё запутать так, чтобы Пейтон не мог исправить это. Как того желает тот миропорядок, что совсем недавно смог он ощутить как данность.

– Так, значит, Вы не дадите мне с ней увидеться?

Повисла неловкая пауза. Хеддок похоже хорошо понимал, к чему тот клонит, но не хотел говорить это в слух. Впрочем, ставки такие, что можно и сказать.

– Нет, почему же... – ответил Хеддок. – Дадим... Определённо. Вы сможете поступить с ней, как Вам заблагорассудится, если только сделаете всё, как надо...

– Что Вы хотите, господин куратор?

– Ваше мастерство. Мне нужно всё Ваше мастерство в ближайшее время для того, чтобы объяснить всем на станции необходимость новых изменений. Тех изменений, по ко-

торым станция будет жить дальше... У Вас есть на это силы, или мы будем считать этот инфаркт полноценным, а не каким-то микро?

– Дайте мне одну неделю. Всего одну неделю, и я смогу убедить кого угодно и в чём угодно. – глаза Пейтона блеснули как прежде, и хотя по нему было видно, что сил даже на то, чтобы встать с койки, пока нет, вскоре он сможет выполнить своё обещание.

– Прекрасно. Я был уверен, что мы поймём друг друга. – Хеддок начал было вставать со стула, но Пейтон остановил его движением указательного пальца и, выставив этот палец на него, продолжил говорить:

– Обещайте мне, что отдадите мне её в целой и невредимой!

Хеддок видел эти глаза, глаза полные какой-то лютой кровавой страсти, и понимал, чем всё это должно было непременно закончиться для Делейни. И вместе с тем понимал, что без этого ни о какой поддержке со стороны Пейтона Кросса не может быть и речи.

– Да, Пейтон. Будьте уверены. После того, как мы достигнем желаемого, Вы получите Делейни целой и невредимой.

Хеддок

В небольшой чёрной комнатке, где был всего один маленький стол у самой стены и три стула возле него, Тейлор считал, что ему суждено просидеть целую вечность. Ведь он уже сидел там четыре часа и еле один раз достучался, чтобы его отвели в туалет. И долго же пришлось стучать. Стучать и кричать, что было сил, что он сейчас засыт всё вокруг, потому что иначе он не может. Потому что сил терпеть у него уже нет, и что если суждено потом всем сидеть в этой моче, то в том будут виноваты они. И когда он уже собирался это сделать, то открылась дверь, и один из охранников отвёл его облегчиться. А затем обратно.

Из всех четырёх часов ожидания эти двадцать минут криков, просьб и, наконец, самого похода в туалет, были самыми насыщенными и самыми живыми. И ему же даже захотелось снова подумать о том, что можно устроить нечто похожее, лишь бы снова удалось хоть посмотреть на живого человека, пусть и так грозно смотрящего на тебя. Это бы отдалило его от того одиночества, что он уже переживал всем своим умом и телом, понимая, каково ему будет в Тоске.

Наконец, дверь раскрылась и внутрь зашёл не кто-то из службы безопасности, а глава секции Просвещения Чарли Хеддок. Он был как обычно весьма дружелюбен взглядом, и казалось, что после беседы с ним последует не заключе-

ние в тюрьме, а лишь упрёк в нецелесообразности действий, может быть, какое-то служебное взыскание, штраф, а потом свобода. В это очень хотелось верить. Верить, ждать и получить... Ведь это не Таннет и не Билл Стерлинг, а добродушный любящий рассказывать правильные исторические вещи Чарли Хеддок.

– Ох, мистер Хеддок, я так рад Вас видеть... – Тейлор вскочил с места и тут же ощутил, что напрочь отсидел ноги. Тягучая боль раздалась по нервам, и он присел обратно.

– Сидите, не вставайте, Тейлор... – Хеддок присел на стул рядом и очень удручённо посмотрел на своего собеседника. – Рассказывайте, как здесь оказались...

– Я всё расскажу. Конечно, я всё расскажу... Это всё недоумение. Я не сделал ничего противозаконного, уж не говоря про какую-то фелонию...

– Тейлор. По порядку. Мне Вы можете полностью доверять, ведь я на Вашей стороне. Что Вы сделали? – Хеддок прекрасно понимал, что единственные его плюсы только в том, чтобы быть милым добрым и спасительных для всех, как он был тогда для Делейни, из-за чего она и рассказала ему обо всём. Стоило лишь подавать все сигналы, что за любыми настоящими правдивыми ответами не последует ничего плохого. Что всё, что надо, так это рассказывать правду, а не врать. Тогда придёт долгожданное спасение.

– Я всего лишь не успел отдать флешку... Я нашёл её... Ммм... Позавчера... Хотел отнести в тот же день, но у меня

были важные дела по работе, и я отложил её на это время... Я подумал, что ничего страшного, ведь она может быть и пустой...

– Тейлор, я сказал, что Вы можете мне полностью доверять.

– Да-да, мистер Хеддок...

– Потому рассказывайте, как всё было, не пытаясь себя выгородить... Что Вы нашли на флешке в первый день?

Тейлор немного посмущался, но понял, что ему дают второй шанс рассказать правду. И что от этого, видимо, будет зависеть, что с ним сделают. Уж раз его не стали упрекать во лжи, а предложили ещё раз быть откровенным, то это настоящий шанс, а не что-то выдуманное. Стоило прислушаться, ведь другой возможности не будет. Чарли и правда очень добр, возможно, именно поэтому он здесь, а не кто-то другой.

– Я нашёл несколько файлов. Там были фильмы и игра. В первый день я включил только игру. И всё. Старкрафт... Там видно. На моём компе видны файлы сохранения, и можно легко понять хотя бы по ним, что я ничего больше не мог посмотреть, потому что я только играл в эту игру... В ней нет ничего запрещённого. Там только люди, зерги и протосы воюют за разные ресурсы на других планетах... В этом же нет ничего опровергающего Ваши версии истории, мистер Хеддок?

Как хорошо, он оказывается понимает, что можно, а что

нельзя. И при этом понимает, что часть информации не доступна для руководителя секции Просвещения. Хеддок смотрел на него и думал, что люди, живущие на станции, куда умнее, чем он полагал ранее. Ведь даже такие как этот придурок способны скрывать в общей массе от него такие тайны, которые знают все, а Хеддоку нельзя знать. Даже такие придурки на это способны да в течение двадцати лет. И глубоко же мы зарылись с этими иллюзиями, если это дошло до такой степени.

– Разумеется, нет... Тебе следовало сразу отдать эту игру на исследования, и ты получил бы её обратно такой же, какой отдал.

– Да-да, мистер Хеддок... Но я заигрался... Честно говоря, я просто заигрался и на следующий день...

– Хорошо, а когда ты посмотрел фильмы?

– Фильмы я смотрел, мистер Хеддок. Я только нажал на них, чтобы посмотреть, что там. Увидел, что большая длина по времени и тут же закрыл... Я бы не посмел без разрешения...

– Тейлор-Тейлор... Я ведь хочу тебе помочь... Не пытайся выговорить себя, так ты только зарываешься в яму. Я могу тебе помочь, и я это делаю. Так помоги же мне помочь тебе.

– Я просто не хочу Вас расстраивать, мистер Хеддок. Вот и всё... Ведь все не хотят Вас расстраивать. Вы такой хороший, добрый. Мы не хотим говорить что-то, что Вас бы обидело...

– Если ты про то, что никто не верит в мои теории, в нашу прошлую историю, считает, что мы не на Земле, то ничего нового я сейчас не узнаю.

В глазах Тейлора мимолётно пролетел страх, потом удивление, а потом некоторое облегчение. Ему казалось, что теперь скрывать ему нечего, что всё это вообще какая-то игра, которая не может закончиться чем-то плохим ни для него, ни для кого бы то ни было. Теперь нет смысла что-то скрывать совсем, потому что раз руководитель Просвещения всё знает, то мир есть что-то очень милое и мягкое, и что в этом мире нельзя причинить друг другу какой-то вред по тем причинам, что раньше казались самыми грозными. Наверно, и наказание за фелонию какой-то миф, которым только страшат граждан Аполло-24.

– Да, извините, мистер Хеддок. Я правда думал, что Вы не знаете... Конечно, это опрометчиво с моей стороны... Я посмотрел только два фильма... Тень... И Армагеддон... Я знаю, его бы запретили. Его бы не дали нам посмотреть. А я посмотрел без разрешения... Меня ведь не отправят за это в Тоску, мистер Хеддок?

– Конечно, не отправят. Если ты продолжишь всё рассказывать, как есть, то всё будет хорошо для всех. Ты знаешь, на станции очень справедливые правила, и есть множество людей, которые нарушали правила, а потом сознавались во всём, и их отпускали... О них просто никто не знает, потому что они молчат обо всём... Они также смотрели фильмы и

не только. Находилили такие материалы, которые нельзя показывать другим... Просто они потом рассказывали нам всё, как есть. Чтобы мы были в курсе. Старейшины, служба безопасности, разумеется, я... Когда мы всё знаем, то нам не за чем кидать кого-то в Тоску, уж поверь... Тем более, что своё наказание в виде ударов дубинкой ты и так уже получил. Досталось тебе, правда?

Тейлор пощупал свою голову, изображая некоторую боль при прикосновении, и утвердительно покивал головой:

– Да, мистер Хеддок... Я очень испугался... Я даже не ожидал, что можно вот так раз и ударить кого-то... Я, конечно, помню из Ваших лекций, что насилие на Земле развивалось постоянно и переходило в разные формы, но чтоб вот это ощутить на себе... О таком я даже не мог подумать...

– Продолжай про фильмы. Почему Армагеддон тебе не разрешили бы посмотреть, если бы ты сразу сдал флешку?

– Ну, понимаете... Там на Землю летит здоровенный астероид, который всё уничтожит, если его не остановить... И люди отправляют на него два шаттла, чтобы пробурить скважины и взорвать его изнутри. Взорвать ядерными зарядами... Понимаете, мистер Хеддок. Ядерными. А все знают, что мы живём на станции, где есть ядерный реактор... То есть мы живём на таком месте, которое может взорваться. Да так, что всех нас не будет...

– Понятно, Тейлор... И ты не хотел паники... Справедливо...

Похоже эта фраза подействовала в некотором роде лечебным образом на Тейлора, и ему больше захотелось говорить. Ведь его действия открыто расценивались как логичные. Само собой разумеющиеся. За такое не полагается наказывать заключением в Тоске...

– Да... – продолжил Тейлор. – Я не хотел паники... И там ещё есть... Ещё важнее... Понимаете, в этом фильме два шаттла летели от Земли в сторону астероида, и они пролетали мимо спутника Земли, мимо Луны... И эта Луна очень похожа по ландшафту и вообще всему на ту планету, на которой мы находимся... Мы ведь все не очень верим, что мы на Земле, мистер Хеддок... Мы только слушаем Ваши лекции с уважением. Пониманием, как важно укреплять общую веру... Потому что иначе мы тут сойдём с ума. Нам не выжить... Мы понимаем это... И этот фильм... Там ведь видно, что Земля выглядит совсем по-другому, и что у Земли есть спутник... Выходит, что мы на Луне... Всем нельзя смотреть такой фильм...

– Понимаю тебя, Тейлор. Понимаю... Теперь самый важный вопрос. Скольким ты рассказал об этом? Скольким ты рассказал про фильм и что считаешь, что мы на Луне?

Тейлор с ходу хотел сказать, что никому. Ведь он так старался сохранять эту тайну при себе, чтобы иметь как козырь в случае чего... Козырь для Натали... Но Натали-то он в итоге уже успел рассказать. Она была настолько не заинтересована им и всем, что он говорит, что единственное, что ему

оставалось, так это рассказать уже это. Это ведь должно было подействовать. И не подействовало. Не дало вообще никаких результатов, кроме того, что он в очередной раз узнал, что её подобное не интересует... Какая же она сволочь... Тейлору в этот момент показалось, что Натали всё это время только и делала, что издевалась над ним. Постоянно поддерживала разговор, делала всё, чтоб он был на крючке. И не давала всё это время. Специально, чтобы он так и не отвязывался и бегал за ней дальше. Всё это она специально делала, чтобы истязать его, а самой лишь радоваться, что есть кто-то, кто так за ней бегаёт... Все те подходы и даже норвящее желание посидеть с ней за одним столиком, чтобы чем-нибудь привлечь, сейчас в голове Тейлора выворачивались буквально наизнанку заодно с обостряющимся чувством ненависти к ней.

А ведь сама же ещё говорила, чтоб не откажется провести со мной остаток дней в Тоске – думал Тейлор. Он даже представил уже, в каких позах будет трахать её, потом видеть ползающей перед ним на коленях, чтобы не получить новую порцию ударов по её милому личику, а потом снова будет ублажать его так, как он того захочет. Вот, что она получит в итоге. Станет его рабыней в этой тюрьме и сильно пожалеет о том, что не захотела стать его собственностью раньше.

– Да, говорил. – ответил Тейлор. – Натали Джексон... Она была единственной, кому я сказал... Поначалу я только рассказал про Старкрафт, но она стала спрашивать всё

остальное, угрожала, что сдаст меня до того, как я сам успею сдать флешку, если я не расскажу всё, что видел... Вот я и рассказал про фильм...

– Про один фильм или про оба?

– Что? Про Армагеддон? Про него рассказал.

– Значит про один?

– Ну да. Про один... А. Про Тень ещё? Нет, про него я не рассказывал... Она так меня напугала этим, что я рассказал только про Армагеддон, напрочь забыв про то, что есть ещё какой-то... В Тени ничего не было такого, что бы не укладывалось в Вашу теорию, мистер Хеддок.

– Значит только Натали Джексон ты рассказал про одну игру и про один фильм?

– Да, мистер Хеддок. Только Натали Джексон.

Хеддок смотрел на него и видел, что парень стал явно путаться в своих показаниях. Уже и забыв про то, сколько фильмов он посмотрел, про сколько из них он собирался или не собирался рассказать, и что именно рассказывал Натали. Исходя из его первых слов, он рассказал Натали вообще только про Армагеддон, но в конце ответил утвердительно, что и про игру он тоже говорил. А это значит, что либо разговоров было несколько, либо всё было не совсем так, как он изображает. В любом случае, исходя из того, что сам Хеддок знал про Натали, ей не особо интересны такие вещи, и последнее её открытие гелия-3 лишь добавила ей импульса к ещё большему погружению в науку.

– Она тебе нравится? – спросил Хеддок.

– Кто? Натали... Ну так...

– Ты хочешь её трахнуть?

– Мистер Хеддок...

– Говори, как есть.

– Ну... Она симпатичная, да...

– Если бы я тебе привёл её сюда, ты бы смог её допросить?

Чтоб она рассказала всё, что знает. Рассказала, не передавала ли она кому бы то ни было сказанное тобой. Смог бы допросить? – Хеддок при этом продолжал говорить совершенно спокойно, продолжая держать руки на столе.

– Мне разрешено бы было применять к ней силу? Я просто не уверен, что она сознается во всём добровольно...

– Разрешено. – продолжая быть столь же спокойным ответил Хеддок.

– Тогда да. Безусловно. – Тейлор кивнул и улыбнулся. Ему наконец стало казаться, что жить пошла своим чередом именно в том направлении, о котором он так долго мечтал.

– А когда она расскажет всё, что знает, ты сможешь делать с ней всё, что захочешь. – Хеддок сказал это, не моргнув и глазом. А Тейлор чуть было не раскрыл рот от удивительного восторга, который уже всюю наполнял его – сделать с ней всё, что захочешь, это прям значит всё о чём он мечтал, а потом уже ведь даже и не важно, что будет. Не важно, потому что он получит к этому моменту абсолютно всё. У такой величины нет ни срока давности, ни границ применения.

– Спасибо, мистер Хеддок. – Тейлор продолжал немного улыбаться. – Я Вас не разочарую.

– Ты сможешь её трахнуть после всего этого? Я хочу знать, насколько ты уверен в том, что делаешь. Как только она расскажет всё, что знает, ты сможешь её трахнуть прямо в этой комнате?

– Да, мистер Хеддок.

Хеддок поднялся из-за стола и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. За самой дверью наготове стояли те двое охранников, что привели сюда Тейлора.

– Избейте его как следует, но голову не трогайте. Он должен быть жив и способен говорить. Поняли меня? Он обязательно должен остаться жив, иначе казнят вас. – сказал Хеддок и двинулся по коридору. Он шёл в сторону своего кабинета, зная, как сейчас ожидания Тейлора сменятся реальностью.

Ведь до чего же отвратительный скот, оказывается, есть на его станции. И ведь сам же воспитал таких. Сам смотрел за их уроками, лекциями. Сам проводил их. Мониторил всех и каждого. Наблюдал за тем, чтобы люди не обижались друг на друга, не таили злобу. Старались помогать друг другу. Жить в мире, думать о будущем. Строить и создавать что-то полезное для всех.

И что он получил? Вот это. Самовлюблённого эгоистичного урода, который только и думает, как бы получить силой то, что не получается получить добровольно. И ведь ему со-

вершенно всё равно, что речь идёт не о вещи, а о таком же человеке. Он даже не думает над тем, что кто-то, с другой стороны, мог бы также хотеть получить его самого вопреки его воле, и также желать всё это сделать с ним самим, также вопреки его воле... Нет, у него даже мыслей таких не получается. Он просто не способен думать о других с позиции других. У него мир существует лишь на принципах выгодного ему самому лично.

А откуда такое пошло? Разве от лекций самого Хеддока, где он рассказывал, как люди загадили всю планету до такой степени, что на ней стало невозможно жить? Или с того, что все стали скрытно не верить в эту теорию, полагая, что и всё остальное – тоже прикрываемое красивыми словами враньё? Нет. Всё это шло от того, что не было справедливого наказания за серьёзные проступки. Все считали, что самое страшное, что их ждёт, так это Тоска, где они ещё и смогут быть надзирателями, если повезёт. Это ж чуть ли ни двойной шанс уже. Сначала не повезёт с тем, что поймают. А потом не повезёт с тем, чтоб стать заключённым, а не надзирателем... Хотя кто их знает, может, они там считают, что со временем и из заключённого в надзиратели перейти можно... Думать такое уж точно никто не запретит...

Нет. Думать они должны так, как это рассчитывает тот, кто устраивает их жизнь в этом мире. И пришло время делать так, чтобы они думали соответствующим образом. И лучше страха и смерти в этом никто не поможет. А лучшей

смеси страха и смерти, чем публичная казнь в мире не существует.

Хеддок дошёл наконец до своего кабинета, отпер дверь, зашёл внутрь и захлопнул дверь за собой, не включая свет. Окружающая тьма разом обволокла его. Раньше тьма не казалась ему настолько интересной, многозначительной и объёмной, чем сейчас. Теперь тьма наполняла его чем-то новым. Чем-то, что могло стать основой для его нового мира. Мира, где можно управлять людьми, а не дожидаться их решения на твои действия.

Что-то странное стало проникать с левой стороны его головы. Что-то странное, но уже насколько-то знакомое.

Хеддок отступил от двери на пару шагов вглубь комнаты и немного потерялся в пространстве. Теперь темнота словно поглощала его со всех сторон, обволакивая от головы до стоп. Мир стал казаться ещё более легковесным и управляемым, чем раньше, причём с таких сторон, с которых он ещё на него не смотрел.

Ему захотелось понять, почему его левая сторона так сильно против этого. Почему именно левая сторона его тела такая тяжёлая в этот момент. Тяжёлая, ватная, пустая одновременно. Удивительное ощущение внутри самого себя, разделяющая его надвое. Хотелось словно лишиться половины тела, ровно с левой стороны, чтобы стать свободным. И Хеддок моментально вспомнил, что в его рабочем столе лежит весьма острый складной нож.

Конец первой части

Социальные сети автора:

Youtube – [https://www.youtube.com/channel/](https://www.youtube.com/channel/UC850VD9hdNOr1uzYFIJz3GA)

UC850VD9hdNOr1uzYFIJz3GA

VK – <https://vk.com/homoludus>

Дзен – <https://dzen.ru/homoludus>

Livejournal – <https://homoludus.livejournal.com/>